

СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Монография

Под редакцией *И.А. Савченко, Ю.В. Козловой*

Москва
ИНФРА-М
2020

УДК 316.334.55/.56(075.4)
ББК 60.54
С56

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Издается в авторской редакции

Авторы:

*Савченко Ирина Александровна,
Козлова Юлия Владиславовна,
Устинкин Сергей Васильевич,
Широкалова Галина Сергеевна,*

*Пикунов Олег Игоревич,
Димитричева Ольга Ивановна,
Саакян Армен Коляевич,
Наумов Сергей Иванович*

Рецензенты:

Дулина Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор (Волгоградский государственный университет);

Щукина Нина Петровна, доктор социологических наук, профессор (Самарский государственный медицинский университет, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)

С56 **Современные городские исследования** : монография / под ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой. — Москва : ИНФРА-М, 2020. — 97 с.

ISBN 978-5-16-109359-7 (online)

Города являются центрами культурной жизни, экономики и промышленности. Города продолжают притягивать мигрантов и путешественников. Вполне закономерно, что в течение последних ста лет город является объектом изучения социологов, лингвистов, психологов и философов. В монографии была предпринята попытка осветить основные тренды развития городов и показать магистральные векторы современных городских исследований.

Для широкого круга читателей.

УДК 316.334.55/.56(075.4)
ББК 60.54

ISBN 978-5-16-109359-7 (online)

© Коллектив авторов, 2020

MODERN URBAN STUDIES

Monograph

Ed. by *Irina Savchenko & Yulia Kozlova*

Moscow
INFRA-M
2020

The authors:

*Savchenko Irina Aleksandrovna,
Kozlova Yulia Vladislavovna,
Ustinkin Sergey Vasilyevich,
Shirokalova Galina Sergeevna,*

*Pikunov Oleg Igorevich,
Dimitricheva Olga Ivanovna,
Sahakyan Armen Cosewic,
Naumov Sergey Ivanovich*

Editors:

Irina Savchenko, Doctor of Sociology, Ph.D. (Psychology); e-mail: teosmaco@rambler.ru;

Yulia Kozlova, Ph.D. (Psychology); e-mail: Iris08@yandex.ru

Modern urban studies : monograph / ed. by I.A. Savchenko, Yu.V. Kozlova. — Moscow : INFRA-M, 2020. — 97 p.

ISBN 978-5-16-109359-7 (online)

Cities are centers of cultural life, economy and industry. Cities continue to attract migrants and travelers. It is quite natural that for the last hundred years the city has been the object of study of sociologists, linguists, psychologists and philosophers. The monograph attempts to highlight the main trends in urban development and show the main vectors of modern urban research.

Keywords:

city, village, urbanization, ruralization, chicago school, migration, urban space, social and communicative construction, language space, historical memory, pandemic, stress, media.

ISBN 978-5-16-109359-7 (online)

© Collective of authors, 2020

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Савченко Ирина Александровна, доктор социологических наук, доцент, начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований», профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской Академии МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Козлова Юлия Владиславовна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

Устинкин Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор, директор Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; научный руководитель Высшей школы международных отношений и мировой политики, начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного им. лингвистического университета Н.А. Добролюбова, (Нижний Новгород, Россия)

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник Приволжского филиала

Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научной лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

Пикунов Олег Игоревич, помощник ректора Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

Димитричева Ольга Ивановна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований», доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и туризма Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

Саакян Армен Коляевич, доктор социологических наук, профессор; профессор Гаварского государственного университета, заведующий кафедрой экономических наук Ереванского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Ереван, Армения)

Наумов Сергей Иванович, преподаватель кафедры психологии и педагогики Нижегородской Академии МВД России (Нижний Новгород, Россия)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	8
ГЛАВА 1. Культурно-коммуникативная динамика городских пространств (<i>Ю.В. Козлова, И.А. Савченко, О.И. Пикунов</i>)	11
ГЛАВА 2. Традиции чикагской социологической школы в осмыслении процессов урбанизации и рурализации (<i>О.И. Димитричева, И.А. Савченко, С.В. Устинкин, О.И. Пикунов</i>)	21
ГЛАВА 3. Трудовые мигранты в российском городе: проблемы помощи и адаптации (<i>И.А. Савченко, С.В. Устинкин, С.И. Наумов</i>)	30
ГЛАВА 4. Природа городских языковых пространств (<i>И.А. Савченко, О.И. Пикунов, А.К. Саакян</i>)	37
ГЛАВА 5. Миграция в города и жизнь сельской общины (<i>А.К. Саакян</i>)	43
ГЛАВА 6. Горожане и селяне: факторы формирования исторической памяти (<i>Г.С. Широкалова</i>)	56
ГЛАВА 7. Город в условиях пандемии (<i>О.И. Димитричева, И.А. Савченко, О.И. Пикунов</i>)	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	85
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	86

ВВЕДЕНИЕ

Начало третьего тысячелетия характеризуется особой социокультурной динамикой, основы которой во многом связаны с развитием инфраструктуры мегаполисов. В наш век главные ресурсы, материальные и человеческие, сосредоточены в больших городах, технологизация жизненного пространства сопровождается технологизацией производства жизненных смыслов, благодаря чему общественное сознание также приобретает особую динамику и пластичность. Массовая культура, массовое потребление и массовое информирование во всей своей гуманитарной биполярности возникли именно в городском ландшафте, в городской системе смысловых кодов.

В данной монографии представлены культурно-исторический, лингвистический, социально-психологический аспекты жизнедеятельности современного города, а также актуальные вопросы культурной преемственности в городских и сельских сообществах.

Дается анализ современных процессов урбанизации и рурализации с позиций идей Чикагской социологической школы, обоснована необходимость системных сравнительных эмпирических исследований по проблематике города, изучено влияние инфраструктуры мегаполисов на социально-экономические и социокультурные процессы в малых городах и сельских поселениях.

Представлены данные исследования социальной готовности жителей российских городов к помощи, в частности, к помощи мигрантам в их социальной и лингвокультурной адаптации в российском городе. Дается обоснование константности этой готовности, ее независимости от объекта помощи. Формирование устойчивых социальных связей, в которых

становятся возможны социально-ответственные формы активности (волонтерство, участие в социальных проектах) также происходит преимущественно в контексте городских условий.

Раскрывается содержание понятий социально-коммуникативной конструкции города и городского языкового пространства как системного единства множества языковых пространств в контексте лингвистической безопасности современных городов.

Вопросы миграции и их влияние на жизнь сельской общины рассматриваются с позиций социокультурного подхода, проблематики социализации, необходимости интегрировать миграционные процессы в политические модели.

Рассматривается специфика исторической памяти студентов, выросших в городах-миллионниках, и студентов из сельской местности, обосновывается значимость территориальной и информационной замкнутости для формирования мировоззрения и жизненной стратегии жителей сельской местности в отличие от горожан.

Затрагиваются и социально-психологические опасности современного города. При всех преимуществах жизни в большом городе, он является источником и катализатором стресса. В кризисные периоды развития жизни общества, к которым, помимо прочего, относятся эпидемии, стресс приобретает угрожающие масштабы. В период пандемии городское население испытывает специфическое давление со стороны медиа. Ежедневно СМИ выдают пласт информации об особенностях заболевания, осложнениях после болезни, о заразившихся, дистанцирования – все это способно вызвать стрессовое состояние, совладание с которым во многом зависит профессиональной и личностной самореализации конкретной личности. Несомненно, большой город с его

потоками информации, палитрой оценок, концентрацией специализированных видов деятельности дает личности большой диапазон возможностей восстановить мотивационную и эмоциональную устойчивость. Воспринимая, в основном, через СМИ, угрозу заражения и устрашающие последствия пандемии, далеко не все поддаются массовой истерии. Оптимистичное мировоззрение, интеллигентность, альтруизм, волонтерство, благотворительность становятся все более востребованными в настоящее время.

Монография предназначена для широкого круга читателей, проживающих как в городе, так и на селе.

ГЛАВА 1

Культурно-коммуникативная динамика городских пространств

Ю.В. Козлова, И.А. Савченко, О.И. Пикунов

Общество начала XXI века со всеми его фантастическими возможностями и масштабными проблемами в основе своей является социальным пространством большого города [Козлова, Савченко, Пикунов 2020]. Индивидуальные и групповые смыслы, транслируемые массовой культурой, во многом созданы коммуникативной практикой в городских сообществах [Колхас 2015]. Поэтому представляется важным выявить культурно-исторические основы проектирования города как социальной и коммуникативной конструкции.

Первые комплексные исследования социальной проблематики города, установок и ценностей социальных групп, социальной мобильности [Парк 2011], социального взаимодействия и городского образа жизни [Вирт 2005] были осуществлены представителями Чикагской социологической школы [Зиммель 2002], [Милграм 2000]. Экспериментальные исследования показали, что городские условия делают коммуникации одновременно избыточными и поверхностными. «Города обладают большой притягательной силой из-за их разнообразия, насыщенности событиями, наличия возможности выбора и стимулирующего влияния их напряженной атмосферы, что для многих людей является желательным жизненным фоном. Большой город предоставляет на порядок больше возможностей для коммуникации. Большой город дает возможность выбора, которого не

может предложить ни одна другая социальная структура» [Милграм:32]. Таким образом, можно предположить, что «коммуникативная архитектура города» формировалась на протяжении столетий как продукт циклической коммуникации «человек – группа – общество – мир».

В социологической науке город рассматривается, прежде всего, в связи с территориальной организацией и разнообразием трудовых процессов, определяющих образ жизни и уровень благосостояния больших социальных групп [Вирт 2005]. Решающее значение имеют его размер, плотность и гетерогенность, так как именно их соотношение вызывает вытеснение первичных социальных контактов вторичными, опосредованными особой информационно-коммуникативной городской средой.

Главным признаком города с позиций классической социологии является наличие регулярных экономических отношений, связанных с разделением труда и правовой регуляцией [Вебер 2018]. Таким образом, городская инфраструктура определяется производством, потреблением и диверсификацией обеспечивающих функций.

Начиная с Георга Зиммеля [Зиммель 2002], исследователи все больше рассматривают город как пространство, где активно функционируют различные формы социальных взаимодействий [Парсон 2018], [Бурдье 2007]. Городское социокультурное пространство представляет для жителей широкий диапазон форм социализации, акцентирует взаимообусловленность индивидуальности и социума, социального творчества и нормативного регулирования, природных и сконструированных элементов городского пространства. Именно культурное измерение придает объем и динамику понятию «город», выводит его с описательного на системный уровень и открывает

возможности построения новой социальной субъектности. Город изучают также и как «мыслительный конструкт», как особый «ментальный образ» [Джеймисон 2003], [Сойя 2003].

В исторической динамике происходит увеличение численности городского населения, рост количества городов как один из цивилизационных признаков, перемещение городского функционала (защита, кооперация, сохранение материальных и культурных ценностей) из природно-ландшафтной сферы в смысловой, а затем – и в символический континуум. При этом формирование имиджа территорий с их социально значимыми и имеющими культурную ценность объектами направлено и во внешнюю сторону, и к его жителям. Прописка и регистрация людей фиксирует их правовой статус, демографические процессы, экономические отношения. Идентификация же своей принадлежности к системе города предусматривает общий для социальной группы набор смыслов и отношений к объектам природы, политики, производства и к самим материальным объектам городской среды. Город – место особого качества, место приобретения идентичности, где природа и архитектура, взаимодействие сообществ, энергия улиц, культура и атмосфера мест, искусство создают уникальное знаковое поле [Флорида 2011], [Дягилева 2012].

Локус города находится на пересечении индивидуального (провинциальность, «городское время») группового (традиции) и общественного (стиль управления) [Кузнецова 2019].

Для формирования образа города как ресурсного представления недостаточно лишь индивидуального опыта и субъективного восприятия – требуется непрерывная активность всей городской общности, контакты с ее носителями [Микляева 2011].

Город, с одной стороны, – воплощение представлений о мире, сходное у современников и достойное быть переданным потомкам, а с другой – динамичная конструкция объединяющих образов, восполняющих личные смыслы и эталоны. Город социален по своей сути и развивается как дополнение к природному и индивидуальному, создавая для человека все новые и новые возможности на условиях социального обмена, согласия и ответственности. В образе города можно условно выделить гуманитарно-географический образ, знаковые места, локальные мифы и истории [Замятин 2005].

Городская среда является структурой обеспечивающей деятельность человека и моделирующей эту деятельность, архитектура, транспортные потоки, пространства труда, отдыха, общественной активности являются «гигантской каркасной конструкцией», особым кодом [Линч 1982].

Так, например, густонаселенные для античных времен города Римской империи, входившие в административную иерархию и обладавшие узнаваемой архитектурой, тем не менее, существовали в дихотомии стихийного самопроявления природного начала, которое воплощал простой народ, и власти целеполагающего духа в лице императора. Именно поэтому необходимы были коммуникации формата «герой-толпа», в виде спортивных и военных соревнований, массовых праздников, театра, выступлений певцов, танцоров и поэтов. Эти «избыточные» события составляли содержание жизни города и давали ориентиры для измерения его внутреннего «надприродного времени». Интересна практика ауспиций (птицегаданий), которая обеспечивала взаимосвязь природного и культурного в народном сознании. Процедура основания города и последующая деятельность магистратов была

пронизана ожиданием и толкованием «знамений», и разрешающих вердиктов авгура [Пожидаева 2005].

Средневековые европейские города начинают формироваться по принципу иерархической вертикали, город символизирует «ось мира», акцентирует уникальность каждого момента и каждого жизненного выбора [Савченко 2013].

Город закладывается и развивается на возвышенности, ориентирован по сторонам света, вырастает вокруг замка, монастыря или крепости в соответствии с прообразом Небесного Иерусалима – центростремительно «вокруг одного». Ландшафтные, геополитические, этнические ресурсы под влиянием властной и церковной иерархии формируют жизнепотoki, обеспечивающие военные победы, развитие ремесел, накопление знаний.

Христианская символика унифицирует внутреннее пространство средневекового города и объединяет его с другими подобными. Происходит структурирование времени, упорядочение функций, развивается письменность. Средневековый город построен так, чтобы контролировать сознание и активность масс. Городское символическое пространство направляет от конкретного и преходящего к общему, побуждает соотносить обыденные события с историческим временем и универсальными евангелическими событиями. Именно поэтому развитие архитектуры, прикладного искусства оказываются столь необходимыми и получают поддержку власти и церкви. С ростом численности населения в XIII-XIV веках города приобретают относительную независимость, обеспечивая защиту горожан, их экономической, культурной, политической жизни, тяготея к структуре «все в одном».

Примечательны широко известные городские легенды, интегрирующие в сознании настоящий момент с прошлыми событиями, с

миром архетипов и мифов. Это, например, – легенда о тауэрских воронах, которые носят имена скандинавских и кельтских богов и гарантируют благополучие городу и империи со времен Карла II до королевы Виктории и наших дней. На самом деле ворон – глубинный посткельтский символ, он постоянно присутствует в британской истории и культуре, связывает мир легенд древних бриттов с эпохой Тюдоров, американским романтизмом и русским Серебряным веком. Птицы до сих пор находятся на государственной службе, к ним приставлены смотритель и бифитеры. А легендарные венецианские голуби – псевдосредневековая легенда (XIX век), благодаря которой библейская символика и средневековая архитектура приобретают повседневное, реальное измерение жизни города-музея.

Русский средневековый город в целом имеет схожие характеристики за исключением дополнительного по отношению к европейскому патернализму идеала божественной мудрости, слияния сакрального и духовного, воплощенного в развитии прочной ассоциации родины, родной земли, страны с богородичным, женственным и материнским набором символов. Концепция русского средневекового города полагает его не просто местом вокруг храма: город – и есть храм, соответственно, и жизнь человека должна строиться так, как если бы он пребывал в единстве с Церковью непрерывно, не только на общих служениях, но и в частной жизни, наедине с собой [Солнцев 2012]. Этот принцип неразрывно связан с идеей богоизбранности, сохранившей свое влияние вплоть до XVIII-XIX веков.

В Новое время в связи с интенсивным развитием производства начинается рост городов промышленных и торговых, происходит капитализация общественных отношений, экономические запросы

стимулируют развитие науки. Городская среда перестает быть сакральной и становится все более гетерогенной. Возникает та самая хорошо знакомая урбанистическая символика с материальными символами успеха и власти, воплощенными в архитектуре, инфраструктуре и административном устройстве города, которая сохранилась вплоть до Первой Мировой войны и начала утрачивать свой потенциал в послевоенные десятилетия.

В отечественной социологии выделяют период интенсивного освоения новых пространств, технологий, развития промышленности и концентрация населения в городах (1920–1970 годы) и кризисный период, связанный с ослаблением социальных связей и ростом негативных общественных явлений в больших городах, одновременно со стагнацией малых городов [Пивоваров: 103]. Эти процессы усилились в 80-е и 90-е годы прошлого века: акцентируются проблемы семьи, экологии, национальной идентичности, самоопределения молодежи в субкультурных группах. Российский город конца XX века имеет типовую инфраструктуру, площади, памятники, общественные учреждения, типовые зоны застройки, обязательный топонимический набор – все максимально формализовано. Горожанин воспринимает послание этого города как предостережение уходящей империи и с энтузиазмом устремляется в демократическое рыночное будущее, где вариантов значительно больше. Через пару десятилетий потребительской эйфории в городах появляется большое разнообразие фирм и организаций, меняющих как рынок труда, так и рынок товаров и услуг, транслирующих поток информации в городское пространство, меняющих его материальную и коммуникативную архитектуру. Можно говорить о том, что урбанизация в России так и не привела к формированию устойчиво развивающегося экологического, хозяйственного и информационного пространства города, житель которого

имел бы возможности реализации потребностей всех уровней, в том числе – самоидентификации и самореализации [Пивоваров: 111].

Проблемы «производства смыслов», связанные с деятельностью масс-медиа, вышли во второй половине XX века за пределы идеологии, политики или экономики [Запесоцкий 2011]. Конструирование смыслов и их реализация в предметном, символическом, коммуникативном пространстве современного города в настоящее время становится задачей жизнеобеспечения и условием социальной стабильности. Тому есть несколько причин.

Во-первых, в контексте городской среды, в том числе мегаполиса, существует и действует огромное количество людей, именно городскую культуру можно считать приметой второй половины XX века.

Во-вторых, социальная динамика принуждает к повышению мобильности, к ускорению адаптации, к выработке взглядов и способов решения, которые, в принципе, не были возможны при жизни предыдущих поколений.

В-третьих, рубеж XX-XXI веков привел к тотальному кризису самой идеи локальной культуры как формы сохранения и передачи общественного опыта.

В-четвертых, происходит трансформация самих форм и способов принадлежности к общественным процессам. От права собственности – к доступу, от целостного миропонимания и мироотношения – к потоку дискретных реакций, от целеполагающей деятельности – к пользовательской, от формирования личностной позиции – к принятию алгоритмов. Такие тенденции являются объективной приметой современности, меняя физический образ города, его восприятие и модели поведения в городском пространстве.

В последние десятилетия город как социокультурная конструкция изучается как в теоретическом плане (это, прежде всего, – «концепт города» как метатекста, прочтение которого требует владения знаковыми системами из разных областей социальной практики и познания), так и в практическом – создание «умных городов». Проекты таких информационных систем первоначально создавались в футурологическом контексте, но в последние годы становятся направлением разработки системы «искусственного интеллекта», коллективного интеллекта людей, устройств, технологий и природы – так называемого «холоса». В структуре «умного города» впервые появляется возможность принятия технологичных решений, которые будут превосходить лучшие решения в реальных управленческих группах.

В итоге, общественные службы и объекты социального пространства города постепенно становятся специфическим коллективным продуктом, развивающимся на основе той информации, которую создают жители в процессе решения индивидуальных и групповых задач. Предполагается, что применение этого продукта повысит качество жизни в городской среде. Подобные цифровые проекты реализуются с 2010 года в Китае, Корее, Израиле, Великобритании, Швеции, Индии, Испании, Украине. В России первыми стали подобные системы для Москвы и Сочи, в настоящее время подобные проекты активно реализуются городами-миллионниками [Официальный сайт Минстроя России 2020].

Таким образом, город представляет собой модель мира, разделяемую значительной частью общества и реализованную на природно-ландшафтном, предметном, коммуникативном и символическом уровнях [Савченко 2011: 232].

Поиск решений социальных проблем во многом связан с выявлением возможностей городской коммуникативной среды, которая в цивилизационном процессе способствовала развитию письменности, искусства, архитектуры, науки и производства, формированию специфической организации жизнедеятельности человечества [Пирогов 2004]. Универсальные общечеловеческие ценности и категории интегрируются в уникальную композицию в соответствии с ориентирами эпохи. Город как социально-коммуникативная конструкция организует и моделирует активность больших общественных групп. Пространство города встраивается в структуры глобальной социальной реальности. В процессе своего жизненного цикла город может подвергнуться обезличиванию или же достигнуть синергии в структуре региона, страны, приобрести новое измерение существования и социальной интеграции жителей.

ГЛАВА 2

Традиции чикагской социологической школы в осмыслении процессов урбанизации и рурализации

*О.И. Димитричева, И.А. Савченко, С.В. Устинкин,
О.И. Пикунов*

Изучение города как социального и культурного объекта является сферой интересов социологов, начиная с XIX века. Накоплен огромный исследовательский материал, позволяющий оценить культурную специфику различных городов [Димитричева, Савченко, Устинкин, Пикунов 2020]. Вместе с тем, актуальная проблема города и городского стиля жизни заключается в недостаточном развитии в отечественной науке авторитетных центров изучения городских сообществ и городской культуры [Шабаев 2018]. Кроме того, в современных отечественных учебниках по общей социологии городская социология не представлена как отдельное и самостоятельное научное направление.

Можно возразить, что в социологии и смежных науках проблема урбанизации исследуется достаточно широко, однако, сегодня параллельно урбанизации протекают и обратные процессы – рурализации, которые в социально-духовном плане выражаются в переносе городской специфики повседневной жизни в село. Отметим, что современные процессы урбанизации-рурализации имеют достаточно причудливую природу. На фоне общей тенденции к прогрессу и технологизации, они имеют достаточно регрессивный характер [Савченко 2013].

Для понимания происходящих процессов, обратимся к идеям представителей Чикагской школы в социологии. Выявим основные положения и методы научного поиска, которые актуальны и в настоящее время. Проследим элементы круга интересов представителей Чикагской школы. Они, как мы считаем, будут полезны для современных социологов для выяснения специфики городского стиля жизни, который, что нужно иметь в виду, сегодня становится характерным не только для города, но и для села.

На основе метода опроса (устного и письменного) представители Чикагской школы изучали различные социальные группы: их установки и аттитюды (ценностные ориентации). Наибольшие достижения социологов Чикагской школы связаны с исследованием ряда социальных проблем, специфических для городского стиля жизни. Метод наблюдения за расширением границ города позволил Р.Э. Парку прийти к выводу, что развитие города – это не просто процесс увеличения численности жителей, изменяются сущностные, бытийные явления. Рост города связан со стремлением горожан найти свое место в социальной структуре города [Парк 2006]. Проблемы крупных городов исследовались на примере Чикаго. В основу исследований крупного города положена концепция города, включающая в себя такие явления как социальная мобильность, социальное взаимодействие и социальное пространство в их взаимосвязи [Парк 2011: 19-56].

Под руководством Э. Берджесса, изучение крупного города проводилось на примере Чикаго на основе метода социального картографирования. Уникальностью чикагской социологической школы является процесс обучения студентов, который проходил в совместных полевых исследованиях. Помогая в изучении структуры города, студенты

на практике получали опыт проведения социологических исследований. Широкое привлечение студентов позволило составить большое количество социальных карт города. Изучались и проблемные зоны: места активной подростковой преступности, разрабатывались карты мест отдыха: танцевальных площадок, театров, открытых кинотеатров и пр. Изучались особенности жизни диаспор (итальянской, немецкой, китайской) и этнорасовых групп (афроамериканцев, мулатов), создавались карты их расположения. Э. Берджесс обратил внимание на трансформации культурной идентичности, а также на особенности языкового поведения и лингвистической динамики в условиях большого города [Савченко 2010].

Проблемы большого города решались социологами Чикагской школы. Для этого было необходимо на первом этапе представить в систематизированном виде городскую структуру. Поскольку США переживали в то время наплыв эмигрантов и необходимо было решать проблемы, связанные с большим количеством людей разных национальностей, культур, вероисповеданий на одной территории, то была создана программа «Город как социальная лаборатория», которая получила хорошую финансовую поддержку из различных источников.

Социологи выделили город Чикаго на 75 районов, включающих около трех тысяч описание которых используется и поныне.

Э. Берджесс опирался в своей классификации районов на данные переписей населения города в 1930 и 1934 годах. Исследователя интересовала не специфика жизни и культурные особенности общин.

Для понимания факторов, способствующих росту города, Э. Берджесс изучал формы социальной мобильности: индивидуальную, групповую (семейную и профессиональную), а специфику функционирования городской и районной (муниципальной) власти. Помимо этого, социолог

анализировал девиантное поведение и его восприятие в урбанизированных условиях жизни.

У. Огборн с его концепцией «культурного разрыва» (культурного лага), стал, как мы знаем, одним из первых представителей технологического детерминизма в социологии города и в социальной науке в целом. Огборн показал, что прогресс в материальной сфере идет гораздо быстрее по сравнению с трансформациями духовной культуры. Таким образом, стремительное развитие технологий определяет все социальные изменения вплоть до образа мыслей людей. Огборн подготовил социологическое восприятие города как средоточия материальной культуры, где нравственно-созерцательная сторона жизни находится в провале, в капсуле. Село – источник и символ культуры, олицетворяющий «господство земли и детство души», тогда как город «каменный и окаменяющий» – символ и апогей цивилизации [Шпенглер 2009: 29]

Важнейшее, на наш взгляд, открытие, сделанное представителями Чикагской социологической школы, – это концептуализация понятия «городского образа жизни». Термин, был введен Л. Виртом. [Вирт 2016] Анонимность социальных взаимодействий, частота и кратковременность встреч между разными людьми, поверхностность контактов, снижение значимости семьи и брака, уменьшение уровня социальной сплоченности людей, деградация обычаев, традиций, социального контроля, высокая концентрация и большая численность населения, социальная неоднородность – все это сущностные черты городского стиля жизни, на которые и сейчас опираются социологи при изучении этого феномена. Ученый противопоставил «городской образ жизни» сельскому.

По мысли Л. Вирта, предполагается создание особого городского образа жизни, а этот образ жизни, в свою очередь, становится культурным

образцом, который усваивают горожане и население, проживающее за чертой города [Вирт 2016]. Таким образом, уже социологи Чикагской школы отмечают, что город – это не только увеличение численности населения, город подразумевает особый стиль жизни, который распространяется не только на городское население, но и на население, проживающее за пределами города.

Л. Вирт является последователем немецкого социолога Г. Зиммеля в этом вопросе. Георг Зиммель писал: «Город равен совокупности оказанного им за его ближайшими пределами влияния. Это только и есть его настоящий объем, в котором выражается его бытие» [Зиммель 2002: 31]. Кроме того, Л. Вирт развивает идеи Г. Зиммеля о свободе и одиночестве в условиях города. Луис Вирт полагал, что, с одной стороны, личность в городе достигает некоторой независимости от контроля со стороны малых групп, но с другой стороны, человек остается без чувства участия, свойственного объединенным сообществам. Более того, специфика существования города состоит в прагматичном подходе к личности, которая рассматривается с точки зрения пользы, а межличностное общение носит практический характер. Умножение числа профессий является институциональным закреплением идей прагматизма, присущих сущности города [Вирт 2016: 96]. Наряду с уменьшением роли социальной солидарности, городскому стилю жизни свойственно снижение традиционных ценностей семьи, родственных связей и исчезновение института соседства [Вирт 2016: 105].

Следствием этого является научный интерес к различным субкультурам, которые не только территориально находятся на пространстве города, но и принадлежат субкультурам различных

учреждений, профессий, религиозных общин. Город был представлен как многообразие субкультур или мозаика таких «миров».

Рассмотрим более подробно понятие «стиль жизни». Стиль жизни – комбинация образцов поведения индивида или общности (регулярно воспроизводимые черты, свойства, манеры, привычки, привязанности, вкусы, склонности), ориентированные преимущественно на повседневную жизнь.

Урбанистическому стилю жизни свойственны миграционные процессы в большей степени, чем сельскому. Большая горизонтальная и вертикальная мобильность, большее количество различных социальных групп и субкультур, увеличиваются возможности стать членом какой-либо общности, организации, концентрация культурных ценностей и т.д.

Образ жизни включает в себя, с одной стороны, культуру потребления, которая специфична у разных народов и социальных групп. С другой стороны, содержанием концепта «образ жизни» являются процессы физического, интеллектуального, эстетического и т.п. саморазвития, самосовершенствования человека, общение, формирование и развитие мировосприятия, социальная обрядовая практика и т.д.

Выясним различия городского и сельского стилей жизни. Урбанистический стиль жизни привлекателен наличием большого количества социальных групп и возможностями личности проявить себя в в разнообразном качестве, удобствами искусственной среды обитания, большим количеством и легкостью доступа к накопленной культурной информации. Сельский стиль жизни основывается на органичных, естественных процессах, устойчивых, «проверенных временем» ценностях межличностного общения, уважении к труду.

Итак, наиболее важные отличия этих стилей заключается в различной мотивации социальной активности, иерархии ценностей, уровне культурных запросов, пониманием комфорта.

Создание нового жизненного пространства, искусственного городского мира порождает и ряд изменений в восприятии окружающего мира. Этот феномен интересовал не только социологов, но и философов. Так, размышляя над данной проблемой, Х. Ортега-и-Гассета характеризовал современную массу как избалованную, с чувством вседозволенности, воспринимающую всё как должное, не задумывающуюся о реальных (экологических, например) источниках своего комфорта и благополучия. Это ощущение составляет внутренний, душевный склад индивида, подсказывая формулу жизни: Жить— это полагаться на себя: всё практически дозволено, ничто не грозит расплатой, и вообще никто никому не обязан». [Ортега-и-Гассет 1997: 45]

Иллюстрацией иерархии ценностей городского стиля жизни может служить следующий факт. В России в малых городах, как и в деревнях, сохранился обычай здороваться со всеми людьми, которые встречаются на улице, даже если Вы с ними лично не знакомы.

Сейчас деревни – в том виде, в каком они существовали на протяжении столетий – исчезают безвозвратно. Они превращаются в дачные поселения, куда приезжают из города люди отдохнуть на выходные или в отпуск. Соответственно, эти люди привозят с собой городской стиль жизни — т.е. привычку здороваться только со знакомыми. Мимо незнакомых проходят молча. По манере поведения можно определить: местный это или приезжий человек.

Таким образом, городской образ жизни простирается и на маленькие поселки, маленькие города и деревни. Люди как атомы, они разобщены и не знают, кто живет с ними в одном подъезде в многоквартирном доме.

Распространению городского стиля жизни на вымирающие деревни и небольшие города способствует развитие технологий. Интернет позволяет работать и получать образование, покупать и продавать не только в городе, но и находясь удаленно в любом месте, где есть связь.

Происходит миграция не только из села в город, но и из города в село. Речь идет о процессе, который принято называть рурализацией.

В 2015 году был представлен результат социологического исследования российской обратной миграции из городов в сельскую местность [Звягинцев 2015]. Авторов социологического исследования интересовала мотивация миграции, оценка условий и исследование последствий для села. Были выделены следующие категории переселенцев: пенсионеры, «программные переселенцы», «беглецы», искатели качественной жизни. Исследователи отмечают одну из особенностей, которая характеризует переселенцев: формирование сообщества нового типа (сельско-городского). Как правило, это отдельные личности, которые стремятся реформировать село и не собираются мириться с неудобствами сельской жизни. Они как лидеры мнений, объединяют вокруг себя сельское сообщество и являются инициаторами прогресса на селе [Звягинцев 2015: 119]. По данным исследования, готовы мигрировать из села в город до 25 млн человек при условии действенной аграрной политики и полного изменения условий жизни на селе. При этом исследователи феномена рурализации показывают, что при отсутствии модернизации аграрного производства и сохранении разницы между

«городской» и «сельской» зарплатами реальное число мигрантов из города в село – менее 1 млн. человек» [Звягинцев 2015: 128].

Причина, по которой городские переселенцы мало изучены, заключается в том, что они, по мнению социологов, «рассеяны по всей территории страны и проживают далеко не в каждом населенном пункте. В результате они почти не попадают в базы данных Росстата, RLMS и других масштабных исследований населения страны» [Звягинцев 2015: 108].

Справедливость авторского вывода подтверждают более поздние статьи, которые появляются в периодической печати. Так в «Известиях» от 31 марта 2019 года появилась статья М. Рубникович «Жизнь в деревне становится все более привлекательной», в которой собрана информация о переселенцах из города в село [Рубникович 2019]. В основном это – единичные случаи, но есть и более массовые. Предприниматель Алексей Коньшев в 2012 году подготовил проект «Поселок программистов» и разместил информацию в интернете, чтобы узнать, найдутся ли желающие уехать из столицы в деревенскую тишину. На берегу Скоковского пруда в Кировской области он купил 17 га земли, к ним подвел электричество, воду, интернет. В 2019 году в поселке жили девять семей. Предприниматель запустил летнюю школу по веб-разработке для старшеклассников и студентов. Это позволит зарабатывать, не покидая родной поселок [Рубникович 2019].

Таким образом, особенности актуальной социальной динамики требуют изучения процессов урбанизации и рурализации. На этом пути могут помочь достижения чикагской социологической школы: их идеи и методы работы.

ГЛАВА 3

Трудовые мигранты в российском городе: проблемы помощи и адаптации

И.А. Савченко, С.В. Устинкин, С.И. Наумов

Целью авторов данной главы является определение социальной готовности жителей российских городов к помощи, а именно, к содействию мигрантам в их лингвокультурной адаптации в российском городе. При этом предполагается, что помощь является вполне конкретной, в определенной степени, диверсифицированной категорией современного социально-философского дискурса, в которой нравственная составляющая объективно связана с материальной [Савченко, Устинкин, Наумов 2017].

Мировоззренческие аспекты коннотации «помощи» в российском обществе раскрыты И.А. Треушниковым [Треушников 2012]. Психолого-педагогические стороны концепта «помощи» наиболее подробно изучены Н.А. Сенченко [Сенченко 2005]. Именно Н.А. Сенченко одним из первых в отечественной науке обратил внимание на то, что как исследователи, так и широкая общественность фокусируют внимание на помощи в ситуациях инвалидности, болезни, задержки психического развития, последствий катастроф, в то время как помощь в культурном самоопределении и разрешении адаптационных затруднений часто остается без внимания [Сенченко 2005: 61-86]. В русле социологии и социальной антропологии Никлас Луман предложил блестящую онтологию понятия помощи с позиции различных эволюционных форм «уравнивания потребностей»

[Луман 2000]. Рассуждая о современном постсекулярном состоянии «форм помощи» Н. Луман говорит, что не следует думать, будто «личной помощи как социальной форме пришел конец», и добавляет, что «конкретная помощь так же возможна и так же имеет смысл, как и раньше», «вот только пафосу помощи действительно пришел конец». Можно «помогать», говорит Н. Луман, а можно и «не помогать», если у тебя «в этот момент другие цели». Общество, подчеркивает Н. Луман, «признает, в том числе нормативно, свободу индивидуального решения» [Луман 2000: 30].

Проблема лингвокультурной адаптации в отечественной социологии исследована достаточно подробно. Анализируется влияние глобальных миграционных процессов на межнациональные отношения в современном российском городе [Устинкин, Савруцкая, Морозова 2016.]. Исследуется феномен лингвистической идентичности в контексте социокультурной адаптации мигрантов в российском полиэтничном городе [Савченко 2010], изучается феномен лингвистической безопасности как условия устойчивого развития этнически разнородного сообщества [Жигалев, Устинкин 2015]. Рассматриваются условия и барьеры интеграции иностранцев в социокультурную среду российского города [Савченко 2010].

Вместе с тем, направленность именно нашего исследования – несколько иная. В данном случае категория помощи мигрантам – это иллюстрация к отношению общественности к помощи в целом. Мы полагаем, что социальная готовность/неготовность к оказанию помощи является во многом категорией безотносительной в том, что касается субъекта помощи. Иными словами, первостепенным является общественный настрой (или его отсутствие) к оказанию помощи.

Общество либо преимущественно ориентировано на помощь, либо не ориентировано на нее.

В рамках интересующей нас проблематики был подготовлен и проведен анкетный опрос «Помощь мигрантам». В опросе приняли участие 228 человек (61% – женщины, 49% – мужчины). Большинство (70%) из них – жители Нижнего Новгорода (59%) и двух крупных городов Нижегородской области – Дзержинска и Арзамаса (11%); 30% респондентов представлены жителями других городов Российской Федерации (Иркутска, Кирова, Владимира, Москвы). В качестве способов связи с респондентами использовались как прямые контакты, так сетевые коммуникации посредством электронной почты и социальных сетей.

В целевую выборку вошли только официально работающие граждане в возрасте от 25 до 73 лет, являющиеся налогоплательщиками. Такой подход к формированию выборки связан с тем, что опрос казался материальной помощи мигрантам.

Из задействованных в опросе респондентов 18% заняты в сфере интеллектуального труда, 10% – руководители среднего звена, 18% – инженерно-технические работники, 12% – работники квалифицированного физического труда, 3% – работники неквалифицированного физического труда; 15% – наемные работники (офисные работники, парикмахеры, продавцы) 15% – военные и сотрудники органов правопорядка; 9% имеют собственное дело.

Мы обратились к участникам опроса со словами: *«Уважаемый друг! Мы живем в эпоху интенсивных миграций, что становится очевидным и в Вашем городе. Во многих случаях наблюдается культурная и языковая неподготовленность многих трудовых мигрантов к жизни среди наших соотечественников. В сложившейся ситуации вполне закономерным*

является разработка образовательных программ для оказания помощи трудовым мигрантам в их лингвокультурной адаптации в вашем городе. Вы являетесь налогоплательщиком и, поэтому, принимаете участие в формировании федерального и городского бюджетов. Каково Ваше отношение как налогоплательщика к созданию специально финансируемых программ помощи мигрантам с целью ускорения их языковой и культурной адаптации в Вашем городе?». Ответы на заданный вопрос представлены в таблице 1.

Таблица 1

Отношение налогоплательщиков к помощи в лингвокультурной адаптации мигрантов в российском городе

Ответы на вопрос: «Каково Ваше отношение как налогоплательщика к созданию специально финансируемых программ помощи мигрантам с целью ускорения их языковой и культурной адаптации в Вашем городе?»	Кол-во респондентов выбравших данный ответ (%)
Отношусь положительно. Денег на такие программы жалеть не надо	11
Понимаю, что это необходимо. Нужно лишь грамотно отнестись к проекту: чтобы помощь нашла своего адресата, и средства не были потрачены впустую	24
Я, в принципе, не против. Но лишь в том случае, если другие категории людей (дети, старики, малоимущие) не будут в чем-то обделены из-за таких программ	25
Такие программы нужны. К их разработке должны быть привлечены грамотные специалисты. Но реализоваться эти программы должны на платной основе	20
Ни о какой помощи мигрантам не может быть и речи. В городе есть масса других, более важных задач	11
Не понимаю, почему я вообще должен кому-то помогать? Будь моя воля, вообще не платил бы налоги	9

Достаточно отрадно, что доля «несознательных граждан», не желающих приносить пользу обществу не велика и составляет 9%. Вместе с тем, необходимо признать, что респондент, как правило, рисует образ «идеального Я», и далеко не каждый готов признать даже самому себе в презрении к общественным нормам. Возможно, будь респонденты более искренними, прежде всего, сами с собой, количество тех, кто «не понимает, почему он вообще должен кому-то помогать, и будь его воля, он вообще не платил бы налоги» было бы гораздо выше.

Достаточно показательным, что абсолютно равное количество респондентов (11%) высказали диаметрально противоположные позиции в отношении лингвокультурной образовательной помощи мигрантам: «Отношусь положительно. Денег на такие программы жалеть не надо» и «Ни о какой помощи мигрантам не может быть и речи. В городе есть масса других, более важных задач». И хотя к ответам, в особенности, ко второму ответу, можно относиться неодинаково, они свидетельствуют о плюрализме общественного восприятия общественно значимых феноменов.

Обратим внимание на относительно большое количество респондентов (20%), относящихся к содействию мигрантам утилитарно: «Такие программы нужны. К их разработке должны быть привлечены грамотные специалисты. Но реализоваться эти программы должны на платной основе». Представители данной категории респондентов считают, что содействие лингвокультурной адаптации должно ограничиваться организационной составляющей, то есть составлением программ и организацией их внедрения.

Практически одинаковое количество респондентов (24 и 25%) понимают необходимость лингвообразовательной помощи мигрантам, демонстрируют взвешенный и зрелый подход к вопросу. При этом одна категория респондентов хочет быть уверена, что средства будут потрачены по назначению, и курсы лингвокультурной подготовки будут работать в полную силу и вызовут интерес: «Понимаю, что это необходимо. Нужно лишь грамотно отнестись к проекту: чтобы помощь нашла своего адресата, и средства не были потрачены впустую», другая же категория опрошенных настаивает, чтобы помощь мигрантам не помешала помощи другим категориям граждан: «Я, в принципе, не против. Но лишь в том случае, если другие категории людей (дети, старики, малоимущие) не будут в чем-то обделены из-за таких программ».

Основываясь на результатах опроса можно заключить, что о какой-либо озлобленности и полном отсутствии альтруизма говорить в данном случае не приходится. Половина респондентов осознает предназначение социального государства, где одни социальные общности оказывают помощь другим. Определенная категория горожан (20%) рассматривает помощь, скорее, как услугу, что вполне в духе рыночного менталитета. Наконец, десятая часть респондентов относится негативно к именно мигрантам и приметно такая же часть отрицательно настроена к помощи в целом.

Социальные факты, обнаруженные в ходе опроса, являются, по преимуществу, обнадеживающими и, в целом, имеют позитивный характер. Ряд зафиксированных фактов, имеют, безусловно, сложную и противоречивую природу. Несмотря высказанный ранее тезис об абсолютном характере помощи, заключающийся в преимущественной независимости готовности помогать от субъекта помощи, мы понимаем

умозрительность подобного суждения, основанного, преимущественно, на положениях работы Никласа Лумана [Луман 2000]. Поэтому вполне целесообразно в будущем провести дополнительные эмпирические изыскания, в которых будет обсуждаться отношение жителей российских городов к помощи с другими потенциальными ее объектами.

ГЛАВА 4

Природа городских языковых пространств

И.А. Савченко, О.И. Пикунов, А.К. Саакян

Систему взаимодействия людей, объединенных сетью социальных отношений, можно обозначить как социально-коммуникативную конструкцию. Такой социально-коммуникативной конструкцией является город, являются таковыми и село, и этнос, и семья [Савченко, Пикунов, Саакян 2020]. Социально-коммуникативная конструкция, будучи системным образованием, обладает целостностью, функциональностью, динамичностью. Для нее характерны эмерджентность и аутопойетичность [Luhmann 1990].

Концепт социально-коммуникативной конструкции взаимосвязан с понятием языкового пространства. Оно, в свою очередь, является полем функционирования определённого языкового и речевого жанра. Так, социально-коммуникативные конструкции этноса, села или семьи в большинстве случаев совпадают с этническим, сельским или семейным языковыми пространствами. Ведь основные лингвистические параметры, помимо общего национального языка, – смысловые, стилистические, поэтические, стилевые, лексико-грамматические и даже интонационные – здесь едины для всех акторов социально-коммуникативной системы.

Справедливости ради нужно признать, что в последнее время и здесь наблюдаются изменения – в результате миграций меняется социокультурная палитра не только городов, но и сёл. Есть изменения и семейных социально-коммуникативных конструкциях. Случается, что в

иммигрантских семьях родители разговаривают между собой на одном (родном) языке, в то время как со своими детьми эти родители говорят на языке принимающего сообщества, полагая, очевидно, что тем самым облегчат социокультурную адаптацию детей. Даже представители одного этноса, живущие в разных географических зонах, не всегда сохраняют язык своих предков [Савченко, Никонова 2020:78]. Тем не менее, когда мы говорим о более общих закономерностях развития и функционирования языковых пространств, и для нас важны не столько этнокультурные характеристики этих пространств, сколько оборотно-стилевые, жанровые, вокабулярные, тоновые и, самое главное – семиотические характеристики.

Итак, если социально-коммуникативные конструкции этноса, села, семьи формируют, за редкими исключениями и с некоторыми оговорками, собственные языковые пространства, то социально-коммуникативная конструкция города и, тем более, мегаполиса может включать несколько языковых пространств. Город разнороден не только в этнокультурном, но и в социально-статусном, социально-профессиональном, социально-мировоззренческом измерениях.

А.А. Юнаковская на материалах города Омска обратила внимание на специфику разговорной речи в урбанизированной среде. Исследовательница выделила несколько языковых сфер (в нашем понимании – языковых пространств) массовой городской культуры. Первая сфера – официальная. Это – канцелярский казенный язык благодарностей и жалоб; докладных и объяснительных записок. Вторая сфера – полуофициальная – охватывает торговлю, транспорт, медицину и другие профессиональные поля. Неофициальная сфера – область обыденного речевого взаимодействия между людьми. Это – сфера разговоров, рассказов, диалогов, личных писем и записок. Четвертая сфера включает в

себя городской фольклор, весьма разнообразный и многогранный. К нему можно отнести традиционный фольклор, корни которого уходят, как правило, в сельскую местность – родину многих горожан и их предков, городские легенды, анекдоты, вакхизмы (застольные речи и застольные беседы), студенческий, солдатский и даже детский фольклор.

А.А. Юнаковская не ограничивается выделением этих четырех сфер-пространств. Воссоздавая целостную систему функционирования языка в условиях крупного города, А.А. Юнаковская моделирует разнообразные ситуации речевого взаимодействия. В результате внутри урбанизированной речевой культуры выделяется ряд субкультур. К ним исследовательница относит книжную (элитарную) и массовую субкультуры, субкультуру «новых богачей» и протестную культуру городского андеграунда, «полудиалектную» субкультуру и воровское аргю, субкультуру бедности и субкультуру детства. При этом выявляется и обобщенная форма речи жителей определенного города – городской интердиалект. Раскрывается феномен долговременной консервации разговорных единиц и речевых конструкций [Юнаковская: 12-15].

В отечественной и западной науке исследований по вопросам формирования и динамики городских языковых пространств совсем немного. Среди сравнительно недавних (2010 г.) концептуальных зарубежных работ заслуживает внимания статья Майкла Дэроча «Язык в городе, язык города». Исследователь показывает, каким образом «язык города» формирует собственную самодостаточную экосистему. Такая экосистема приспособлена для безболезненного вхождения в нее только тех языковых и речевых элементов, у которых элемент чужеродности не нарушает определенную социокультурную грань [Darroch:31-34].

Опираясь на выводы М. Дэроча, мы можем полагать, что город открыт для развития лишь тех внутренних языковых пространств, которые могут свободно и естественно интегрироваться в его социально-коммуникативную конструкцию [Савченко 2018:209]. Однако не всегда городские языковые пространства развиваются в унисон с социально-коммуникативной конструкцией города. Такие обстоятельства имеют разрушительную природу, поэтому необходимы их грамотная профилактика и своевременное предупреждение.

Лингвистическая безопасность города напрямую зависит от того, насколько органичными для социально-коммуникативной конструкции города являются языковые пространства, входящие или собирающиеся войти в эту конструкцию. Деструкции внутри одного из языковых пространств создают опасность нарушений в социально-коммуникативной конструкции всего города. Помимо этого, немалая степень риска кроется в обстоятельствах конфликта между языковыми пространствами внутри городской социально-коммуникативной конструкции. Наконец, наиболее драматичной является ситуация внутриличностного ролевого конфликта языковых пространств. В сложноорганизованной социально-коммуникативной конструкции большого города люди адаптируются к множественности ролей, в том числе, языковых, тем не менее, это удается не всем. Именно здесь особенно актуальной становится совместная работа социологов, психологов и лингвистов.

В российской науке проблематика «языка города» разрабатывается, преимущественно, сибирскими учёными. Барнаульская исследовательница Е.Ю. Позднякова осуществила комплексное лингвокультурологическое описание языкового пространства города и пришла к выводу, что городское языковое пространство – это интегральный феномен, природа которого

сочетает в себе объективное и идеальное начала [Позднякова 2009]. Это пространство включает различные составляющие, которые в совокупности формируют комплексную «речевую стихию». Исследовательница анализирует специфику процессов самоидентификация личности в языковом пространстве города. Эти процессы предполагают «отождествление человека с городом» и «отражение городского пространства в языковом сознании горожанина». Устройство языкового пространства города Е.Ю. Позднякова называет «ядро-периферийным» по аналогии с миросистемой «центра – периферии» И. Валлерстайна [Валлерстайн 2018]. Образ языкового пространства в языковом сознании горожанина Е.Ю. Позднякова видит в единстве и взаимодействии двух факторов – пространственного и «антропоцентрического» [Позднякова:186].

В 2007 году в другом алтайском городе – наукограде Бийске прошла знаковая, но, увы, единственная конференция по вопросам развития городских языковых пространств – «Язык города» [Язык города.. 2007]. В рамках конференции проблемы городских языковых пространств обсуждались как в макро-, так и в микро-контекстах. Научные дискуссии фокусировались вокруг проблем системной природы языка города, исследования языкового пространства малых городов, формирования функциональных стилей национального языка в «языке города». Обсуждались вопросы развития «региональной языковой личности» и становления «языкового сознания горожанина». Выявлялись особенности «городских текстов», в том числе рекламных слоганов, политических граффити и газетных заголовков, и «городского ономастикона».

Во втором десятилетии нынешнего века ученые незаслуженно обходят вниманием вопросы развития языковых городских пространств. Между тем, именно сегодня на фоне пандемии, дигитализации и развития дистантных технологий речевого и неречевого взаимодействия между людьми и группами языковые пространства крупных городов переживают период судьбоносных трансформаций [Димитричева, Савченко, Пикунов:14, 18]. Ученым еще предстоит определить особенности, выявить природу и оценить последствия этих трансформаций. От того, насколько глубокими и комплексными будут исследования в этой области, зависит лингвистическая безопасность российских городов.

ГЛАВА 5

МИГРАЦИЯ В ГОРОДА И ЖИЗНЬ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

А.К. Саакян

Социальные изменения, стремительно происходящие в течение последних двух столетий и ознаменовавшиеся урбанизацией, оттоком населением в крупные города, индустриализацией и, затем, постиндустриализацией экономики, оказали заметное воздействие не только на новые, возникающие в ходе общественных преобразований, социальные формы, но и на самые глубинные, традиционные, коренные слои социальной ткани [Саакян 2013].

Глубинная, базовая система современного общества и постсовременной агломерации людей («человейника»), по выражению А. А. Зиновьева, коренится в традиционной общине (*gemeinschaft*) [Зиновьев 2000]. Вместе с тем нельзя утверждать, что общность полностью уступает место и заменяется обществом (модернити), она сохраняет свои механизмы и в рамках дифференцированного функционирования современного общества в тех его сферах, которые основаны на реципрокности.

Цивилизационный подход к социологическому анализу подразумевает базовые изменения во всех сферах жизни человека, социализированного в современном обществе, вместе с тем есть область анализа, которая позволяет продемонстрировать такие изменения достаточно выпукло. Так, сельские общины, служащие основой сохранения национальных традиций и социокультурных характеристик национальных

обществ, выступают в качестве весьма интересного предмета для социологического анализа.

Изучение жизни сельских общин позволяет увидеть изменения, которые привнесло формирование модерна, рост городов и, одновременно, сопротивление наиболее устойчивых элементов общинной жизни влиянию современности. Одним из примеров таких влияний выступает миграционное воздействие.

Сегодня социальная мобильность, свойственная современному урбанистическому обществу, ставит ряд специфических проблем с точки зрения преобразования механизмов традиционной социальной жизни и социально-экономического функционирования общества в целом. При этом в мировом информационном обществе происходит глубокая трансформация роли и социальных функций сельских общин на индивидуальном (социализация), локальном (обеспечение), национальном (рост) и глобальном (развитие) уровнях. С одной стороны, на новом, глобальном уровне ставится вечный вопрос: должна ли культура выступать инструментом, дающим возможность различения, поиска отличия человека или группы от других людей или групп, или же превращение всех шести миллиардов человек, населяющих планету, в однородную массу допустимо и даже желательно, например для повышения управляемости в планетарном масштабе? С другой стороны, ставится вопрос оснований и механизмов, позволяющих такое различение: каким образом, каждый человек или член группы может идентифицировать себя, т. е. определять свои отличия от других и свою принадлежность к «своим», своему роду, сообществу, ассоциации, обществу?

Таким образом, социокультурный подход затрагивает вопросы мобильности и миграции людей в города с точки зрения проблематики социализации мигрирующих индивидов в новых для них обществах, ностальгии и возвращения к корням, вплоть до получившего распространение в конце XX — начале XXI в. процесса обратной миграции, возвращения на исходную социальную территорию (в регион или страну происхождения) после получения образования за рубежом или достижения определенных социальных статусов, ради которых и были предприняты шаги к миграции.

Сельская община, особенно в таких странах с сильной контекстной культурой, как Китай или Россия, сегодня испытывают на себе, одновременно, негативное влияние миграционных процессов в форме оттока в города наиболее активных и предприимчивых молодых членов общины, но также и позитивную иммиграцию уже состоявшихся членов общества, испытывающих потребность в возвращении к корням, в родные места, в родную природу.

Обычно в культуре различают материальные (цивилизационные) и нематериальные (собственно культурные) элементы. Хотя такое разделение достаточно условно (в самом деле, не всегда можно отделить использование аскетичной мебели в японском доме от аскетичной культуры), о нем следует упомянуть в данном материале, поскольку традиционно принято описывать национальную и этническую культуру с точки зрения тех материальных объектов и технологий их использования, которые типичны для рассматриваемого этноса.

Тем не менее мы будем рассматривать оба аспекта культуры в едином ключе, поскольку, с нашей точки зрения, материальные аспекты в большинстве случаев являются физическим осуществлением культуры как репрезентативного комплекса и ценностно-нормативных механизмов.

Сельские общины Армении. Понятие общины, сообщества, коммуны или коммьюнити (community) весьма популярно в западной социологии. В социологическую науку понятие общины было введено Ф. Тённисом, который противопоставил коммуну (gemeinshaft) по характеру отношений и сущности функционирования современному обществу, ассоциации (gesellschaft), выделив персонифицированный характер отношений внутри общины и свойственную ей «органическую» (Э. Дюркгейм) солидарность [Тённис 2002].

Сегодня понятие общины используется весьма широко. Дж. А. Хиллари приводит данные о 94 определениях этого термина в англоязычной литературе, в которых общей является объединительная функция сообщества. В целом можно вывести следующие характеристики общин:

- община объединяет людей, проживающих в определенной географической зоне;
- члены общины объединены определенной культурой, ценностями, этническими или расовыми признаками, позволяющими идентифицировать «своих» и «чужих»;
- община предполагает устойчивое социальное взаимодействие между людьми [Almgren: 363].

Община эффективна для решения тех задач, которые требуют коллективных механизмов приспособления к окружающей среде,

выживания и развития, в частности, община опирается на коллективную ответственность жителей и на взаимную поддержку, защиту и помощь.

Сельская община в Армении выполняет множество социальных функций, среди которых можно, для целей данного материала, выделить следующие:

- социализация — формирование и воспитание социальных качеств индивида в роли члена общества, патриота и гражданина;

- повышение эффективности использования локальных особенностей среды;

- расширение разнообразия приспособительных, адаптивных возможностей

общества в целом к изменениям окружающей природной и техногенной среды;

- создание особых зон этнического и культурного наследия, привлекательных для самих жителей и для туристов, в том числе из армянской диаспоры.

Национальная идентичность является одним из ключевых конкурентных преимуществ армянских сельских общин, поскольку именно она позволяет решать две последние задачи: уникальность социальных приспособительных механизмов делает их интересными как для Армении, так и для мира в целом.

Специфика сельской общины как социальной системы состоит в локализации общественных процессов. В эпоху глобализации сельская община и семья, по сути, остались единственными примерами стабильности в кризисном универсуме планетарных социально-экономических процессов.

Армянская крестьянская община обладает типично восточными чертами, она была не просто поземельно-хозяйственным союзом, но и в первую очередь крестьянским миром со всем многообразием функций (включая экономические, административные, управленческие, культурные, карательные, оборонительные), т. е., по сути, была минигосударством. Основание на владение землей человеку давал вложенный в нее труд. Община определяла время сельскохозяйственных работ, хотя работали не сообща, а каждый на своем наделе и в свою пользу, но был распространен общинный обычай взаимопомощи.

Тенденция развития армянской общины вплоть до начала XX в. была направлена на ее укрепление и усиление уравнительного начала в ней, тогда как в арабской, персидской, турецкой и курдской крестьянских общинах наблюдался переход к частной собственности на землю. Если в русской деревне социальная структура опиралась на две ступени — семья и община — и авторитет общины был сильнее авторитета семьи, то для армян авторитет семьи более значим, и между семьей и общиной стоит кровнородственная группа (азг), как в общинах других народов Ближнего и Среднего Востока.

Азговые группы селились вместе, каждая деревня делилась внутри себя на несколько кварталов, которые часто носили азгово-патронимический характер. В начале XX в. в некоторых деревнях еще сохранилось соответствие отдельных кварталов поселения одному азгу [1]. Браки между членами азга как ближайшими родственниками были нежелательными.

Кроме того, армянские общины почти не знали надобщинной ступени — земства в институциализированном виде. Но в Армении община выполняла функции, сходные с государственными, «мирской» дух

выливался в народный этатизм. Еще в древности утратившие собственное государство армяне тосковали по государственности как таковой и обычно приживались в чужих империях (даже в Османской империи до середины XIX в. они имели официальный титул «лояльного народа»). Армянское население в любой империи было довольно конфликтно, но не из стремления к сепаратизму, а поскольку армяне не ощущали себя в империи чуждым элементом, временными жителями, и стремились устроиться поудобнее, не только адаптироваться к чужим структурам, но и адаптировать эти структуры для себя и включиться в общий имперский процесс, как они его себе представляли. Поэтому конфликт армян с Российским государством был в чем-то аналогичен конфликту с Российским государством русского крестьянского мира и земства, борющихся за свои местные особенности.

Армянская община, как и русская, относительно легко выносила социальный и экономический гнет, но отчаянно боролась с государством за те прерогативы, которые, по мнению народа, входили в компетенцию «мира». Так, в 1903 г. по закону 12 июля царское правительство секуляризировало армянское церковное имущество, вследствие чего множество школ и культурных учреждений, содержавшихся за счет доходов от этого имущества, закрылось. Вслед за изданием закона во всех армянских населенных центрах стали проходить многочисленные собрания, на которых принимались решения ни в коем случае не соглашаться с законом и бороться с осуществлением его, даже если дело дойдет до вооруженных столкновений с правительством. Сразу же в армянских общинах возникли, в пику российскому правительству, армянские национальные школы, уездные суды и т. п. Но как только наступление российского правительства на армянскую крестьянскую

общину прекратилось, прекратилась и конфронтация [Крестьянские движения в Армении 1948].

Армянская общинная самоорганизация фактически реализовала народный этатизм, стихийно восполняя утрачиваемые элементы структуры, занимающие приоритетные места в ценностной шкале. В ходе армянской истории это касалось грамотности, книжной культуры, образования, армянской церкви. Армянская сельская община играла роль «основной локальной формы этнополитической организации в борьбе армян против чужеземных угнетателей». Структура внутриобщинных связей также была приспособлена к тому, чтобы нейтрализовать последствия агрессивности внешней среды. Переселенцы из других культурно-этнографических зон Армении допускались в состав уже сложившейся общины по решению всей общины в целом, но селились в отдельном квартале. Внутренняя конфликтность сознания экстерииоризирована во внешнюю среду, принадлежность к той или иной ценностной ориентации в армянском этносе не санкционируется.

Экстерииоризация конфликта и стала причиной консервации сельской общины в Армении, тем самым создав уникальные условия для сохранения национальной идентичности во всем богатстве и многообразии ее специфики.

Даже модернизация общества, с урбанизированным образом жизни и индустриализацией экономики, не привела к разрушению традиционного сознания сельской общины, как это произошло практически во всех нациях государствах. В советский период коллективные бригады составлялись по характерному для семейной общины принципу родственных связей (принадлежности к азгу). Так, в Нагорном Карабахе размеры каждого колхоза совпадали с размерами одной деревенской общины. Распад

общинных структур начался лишь в 1950-е гг., в период укрупнения хозяйств, но многие черты общинного духа сохранились до сегодняшнего дня, особенно в горных районах Армении.

Более того, даже миграционная проблема, весьма остро стоявшая в 1990-х, к началу 2010-х годов смягчилась. Так, по результатам социологического исследования «Оценка нужд общин» Института политических и социологических советов (IPSC) в марзах, в 80% опрошенных семей нет членов, выехавших за рубеж даже на сезонную работу, а у 92% нет проживающих за границей членов семей. При этом подавляющее большинство опрошенных (82,4%) не намерены менять место жительства, 6,4% собираются уехать в Ереван, лишь 9,5% — выехать из Армении [Погосян 2011].

Таким образом, сегодня сельская община Армении сохраняет свою функцию формирования армянского гражданина и армянской национальной идентичности. Но существенные сложности представляют экономические проблемы.

Социально-экономические последствия миграции в города для сельских общин Армении. Миграционные процессы представляют собой лишь один из элементов среди экономических и управленческих проблем в сельских общинах Армении. Как уже отмечалось выше, эти проблемы связаны прежде всего с особой категорией мигрантов — как в потоке эмигрантов из общин, так и в потоке иммигрантов, возвращающихся в сельские общины. Большинство уезжающих из общины составляет молодежь, обладающая набором социально-психологических характеристик, позволяющих отнести индивидов к категории предпринимательского склада личности. В этом смысле миграционные процессы приводят не только к краткосрочному эффекту оттока наиболее

эффективного человеческого ресурса, но также к долгосрочному эффекту изменения генофонда конкретной общины, в котором снижается доля личностей, склонных к риску, к лидерству, к активному проведению социальных и управленческих изменений.

Вместе с тем возвращение в общину протекает, как правило, в двух формах: либо это возвращение практически полное, т. е. реиммигрант живет в общине и осуществляет в ней полностью свою деятельность, либо индивид вкладывает в свою родную общину значительную часть своей личной энергии, участвует в решении проблем общины, инвестирует свои финансовые, временные ресурсы и вовлекает свой социальный капитал, но при этом сохраняет и другие места и сферы приложения своего труда, самореализации и общения, что, собственно, и позволяет ему использовать и наращивать свой социальный капитал, а затем использовать его для развития общины.

Около 83% общин Армении — это преимущественно малые сельские общины, имеющие население численностью менее 1000 человек, за исключением ряда крупных сельских общин, 47 городских общин, 12 муниципальных общин Еревана.

За прошедшие два десятилетия с обретения Арменией независимости был предпринят ряд мер по реформированию местного самоуправления общин. Сегодня во многих из 930 общин органы местного самоуправления не в состоянии успешно решать образовательные, здравоохранные, культурные, жилищно-коммунальные, спортивные задачи. Закрепленные законодательством права этих органов не соответствуют реальным возможностям общин и органов местного самоуправления. Полномочия последних, как правило, ограничиваются предоставляемыми общинами (платными и бесплатными) услугами, порождая по причине

неплатежеспособности населения задачу справедливого распределения бюджетных средств и возмещения преобладающей части расходов (отопление, водоснабжение, сохранение жилищного фонда, санитарная очистка и т. д.). Основную часть собственных доходов общин составляют налоговые поступления (налог на землю и налог на имущество), уровень взимаемости которых достаточно низок. Кроме того, органы местного самоуправления почти не несут ответственности за строящиеся на территории общин объекты. Несовершенство распределительных отношений в данном случае становится причиной неопределенности в аспекте взаимных обязательств, что в конечном счете выражается в низкой эффективности рычагов, которые призваны координировать деятельность органов государственного управления и органов местного самоуправления для решения задач социально-экономического развития общин.

Анализ результатов социологических исследований показывает, что общины сегодня в наибольшей мере подвержены таким социально-экономическим рискам, как безработица, потеря дохода, ограниченный доступ к образованию. По мнению большинства опрошенных (57%), по оценкам IPSC, исполнительной власти следует прежде всего заниматься созданием рабочих мест, затем идут вопросы сельхозразвития марза и задача благоустройства улиц и дворов (по 19%) [Погосян 2011].

В Стратегической программе преодоления бедности в Армении предлагается при выделении средств идти по пути реального объединения и укрупнения малых общин, сокращения их количества, предусмотрев определенную приоритетность для формирования межобщинных объединений и развития сети их инфраструктуры. Это предложение поддержала постоянный представитель и координатор Программ развития ООН (UNDP) в РА, посол К. Видал, выступая на II ежегодной конференции

«Развитие сельских общин Армении» (10.07.2008): «Сельские районы Армении на сегодня являются очень уязвимыми из-за низкого уровня развития коммуникаций, инфраструктур, из-за чего треть сельского населения лишается развития, и в связи с чем приоритетной делается задача сокращения недостатков и развития села», что ставит вопрос оценки возможностей содействия развитию малого и среднего бизнеса в регионах и налаживания партнерства между государственным и частным секторами [Сельские общины в Армении...2008].

В Армении существует хорошая база для развития кластеров и создания межобщинных союзов: «Органы управления общинами должны выработать общие проблемы и цели, а UNDP готово оказать содействие в решении имеющихся проблем, тем более что ООН создает почву для работы, а правительство выражает готовность активно работать». Организация по сельскому хозяйству и продовольствию ООН (FAO) организует программы в четырех приграничных селах Ширакской области для создания системы кластерного развития по восстановлению сельского развития и обмена опытом между Сюникской и Армавирской областями Армении и приграничными областями Грузии [Сельские общины в Армении...2008].

Социально-психологические исследования свидетельствуют, что патриотизм рождается не в форме любви к государству, а в форме преданности своей семье, своему роду, месту, где человек родился и вырос. Лишь на этой осязаемой, тактильно воспринятой с младенчества основе рождается, воспитывается в ходе процесса социализации и образования национальный патриотизм.

Так, Стратегия национальной безопасности Республики Армения определена как «система обеспечения стабильного развития и безопасности

государства, общества и личности, государственной политики сохранения армянской идентичности». И далее отмечается, что сохранение идентичности армян должно опираться на мобилизацию диаспоры, развитие армянского языка и истории как факторов, обеспечивающих долговечность национального наследия и олицетворяющих национальную идентичность, распространение армянского культурного наследия и достижений в мире [Стратегия национальной безопасности республики Армения 2007].

С этой точки зрения задачи социокультурного анализа воздействия миграционных процессов на функционирование сельской общины должны интегрироваться в политические модели управления обществом в целом, ставя целью гармоничное развитие общества, с учетом как социально-экономических интересов, так и культурного развития страны.

ГЛАВА 6

Горожане и селяне: факторы формирования исторической памяти

Г.С. Широкалова

В год 75-летия Победы в Конституцию России внесены поправки, предусматривающие обеспечение защиты исторической правды и недопущение умаления значения подвига народа при защите Отечества [Конституция 2020]. Они сразу же нашли отклик в работе Комиссии Общественной палаты РФ по делам молодежи, развитию добровольчества и патриотическому воспитанию, Комиссии Общественной палаты по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций, Комиссии Общественной палаты по развитию некоммерческого сектора и поддержке социально ориентированных НКО и Комиссии Общественной палаты по вопросам развития культуры и сохранению духовного наследия. По итогам Общественной палатой Российской Федерации были разработаны «Рекомендации по вопросам сохранения исторической правды и противодействия распространению исторических фейков» [Рекомендации по вопросам..2020], разосланные по всем образовательным учреждениям.

Появление такого документа не дань моде и юбилею. За рубежом все чаще искажаются исторические факты, нивелируется роль советского народа в Победе над фашизмом. В России также многочисленны случаи переписывания истории, оскорбления сакральных мест, что размывает ценностные ориентиры, изменяет жизненные стратегии, разрушает

единство нации: призыв Президента о том, что патриотизм является в России национальной идеей каждой социальной группой был услышан по-своему [Широкалова 2020].

В действующем федеральном законодательстве содержится ряд норм, указывающих на необходимость противодействия попыткам фальсификации исторических фактов. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ от 31 декабря 2015 года № 683, указано, что «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2020]. После 2015 г. был принят целый ряд законодательных актов, имеющих целью защиту исторической памяти о Второй мировой войне.

Но какова «точка отсчета»? На что можно опираться тем институтам, что социализируют молодежь в современной России? В 2020 г. было проведено немало исследований с целью выяснения мировоззренческих ценностей студенчества и места в них исторической памяти, выстраивающих иерархию факторов, определяющих ее характеристики. Среди основных традиционно называются семья, школа и СМИ, хотя сейчас все чаще исследователи СМИ ставят на первое место. В данной главе мы рассмотрим их влияние на формирование исторической памяти молодежи, чье мировоззрение формировалось в условиях города-миллионника и в сельской местности.

В патриотических кругах часто подчеркивается, что селяне основные хранители российского/русского/органического менталитета, благодаря которому и существует Россия. Действительно, сельская и городская молодежь социализируются в отличающихся по многим параметрам условиях, у них не одинаковый доступ к информационным и иным ресурсам, что формирует разные жизненные стратегии, круг интересов, образ жизни.

Историческую память в основном формирует школа. В настоящее время из 42 тысяч школ России 26 тысяч сельские школы, в которых работает около 470 тысяч педагогов, 43% которых пенсионного и предпенсионного возраста; педагогов младше 30 лет 5,2% [Количество учителей... 2019]. Резкое уменьшение количества школ и учителей объясняется условиями перманентного кризиса [Широкалова 2018]. Боязнь закрытия школ из-за реструктуризации снижает мотивацию к педагогической деятельности: в Томской области на этот фактор сослалось 42% учителей [Обоянцева 2019]. Все эти факторы объективны и в ближайшем будущем неизменны, поэтому изучение результатов социализации молодежи в зависимости от места проживания останется актуальным до тех пор, пока существует сельская Россия.

Выпускники сельских школ отличаются от горожан по уровню знаний и умений, особенно если они учились в малокомплектных школах, где учителя вынуждены вести сразу несколько предметов одновременно в разновозрастных группах и совмещать разные должности от библиотекаря до сторожа [Проблемам сельских малокомплектных школ..2009]. Но особенности подготовки выпускников школ не будем ранжировать по шкале «лучше – хуже». Процессы разнонаправлены. Многие преподаватели вузов фиксировали, как приехавшие из села ребята, к

третьему курсу обгоняют по глубине профессиональных знаний своих городских сокурсников за счет ответственности и трудолюбия. Мы не будем дискутировать на тему о настоящем и будущем сельской школы: свое мнение нами высказано в публикации «Сельская школа: приказано жить или умирать?» [Широкалова 2015а]. В данном случае нас интересует конкретный вопрос: влияет ли место жительства на сохранение исторической памяти, и какова роль школы в этом процессе?

В качестве источниковой базы возьмем результаты всероссийского исследования "Что мы знаем о Великой Отечественной...", проведенного в 2020 году Российским обществом социологов среди студентов РФ [Исследование Российского общества социологов 2020]. Основные источники исторических знаний для молодежи представлены в таблице 2.

Таблица 2

Источники знаний о Великой Отечественной войне (%)

<i>Источники информации о Великой Отечественной войне</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более**</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей***</i>
учителя	75,8	78,5
школьные учебники	74,7	75,8
советские художественные фильмы	65,7	73,7
рассказы родных	64,5	66,8
советские документальные фильмы	43,9	46,9
художественная литература	42,4	42,1
встречи с ветеранами	40,0	57,3
современные художественные фильмы	34,5	34,1
современные документальные фильмы	29,7	25,5
преподаватели вуза	28,2	25,0
форумы в интернете	19,6	15,4

<i>Источники информации о Великой Отечественной войне</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более**</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей***</i>
научные исследования	10,6	10,7
ток-шоу по тв	10,3	8,2
мемуары полководцев	9,7	8,3
игры	0,0	0,0
Другие	1,8	1,2
Итого	551,3	569,6

*Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО более 100%.

** Город с населением 1 млн. жителей или более – 2123 студентов.

***Село, большая деревня, более 100 семей - 912 студента.

Иерархия значимости ответов одинакова в обеих группах кроме встреч с ветеранами. У горожан этот вариант выбрали 40% (7 позиция), у селян – 57,3% (5 позиция). Чаще называется школьная программа и внеклассная работа учителей: встречи с ветеранами – это форма воспитательной работы в школе, а не в вузе. На третьем месте по значимости советские художественные фильмы. Возможно потому, что не везде в РФ есть доступный интернет, несколько меньше и другие показатели значимости передач ТВ, СМИ. В целом же колебания статуса источников незначительны – от долей до трех процентов. На первый взгляд, это показатель в целом единого информационного пространства социализации молодежи. Но не будем торопиться с выводами: важны не только источники информации, но и их содержательное наполнение.

О разрушении гуманитарной части высшего образования, заключающейся в сокращении часов на отечественную историю и замену экзаменов зачетами, свидетельствует то, что лишь каждый четвертый указал на преподавателей вузов, как источник информации, почти в три раза реже, чем школьных учителей. Поскольку именно в студенческом возрасте

возникает скептицизм по отношению к обществу в целом, историческому прошлому и его героям, преподавание истории России с упором на объективный анализ событий могло бы способствовать формированию зрелой жизненной позиции, сократило бы количество исторических неопитов.

Таблица 3

Иерархия основных собеседников о Великой Отечественной войне (%)

<i>С кем вы разговариваете о Великой Отечественной войне чаще всего?</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей</i>
со старшими родственниками (прадедушками, прабабушками, дедушками, бабушками)	23,9	25,0
с учителями, преподавателями	20,8	28,9
с родителями	16,6	18,6
с друзьями	13,5	10,3
со старшими родственниками - ветеранами войны или тыла	4,9	6,4
со всеми	0,2	0,2
другое	0,7	0,5
ни с кем	19,5	10,0
итого	100,0	100,0

Наиболее интересны для студентов беседы о войне со старшими родственниками. На втором месте учителя, преподаватели, но охарактеризовать причины обращения к ним с этой темой мы не можем. Возможно, речь идет об обязательной образовательной программе. Родители менее интересны, чем старшее поколение, поскольку их информация о том времени вторична (таблица 3).

Военные события редко становятся предметом обсуждения в молодежной среде, что свидетельствует о неактуальности для нее этих

знаний в повседневной жизни. Большая самостоятельность жителей мегаполисов, разнообразные виды деятельности и автономность от «большой семьи», включающей старшее поколение, двоюродные – троюродные связи, в два раза увеличивает долю безразличных к военной истории по сравнению с селянами.

Более отчужденное отношение горожан к событиям Отечественной войны проявилось в распределении ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с мнением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно?» Согласились с этим 6,1% горожан, «не очень согласны» - 31,1%, не согласны – 62,8%. Среди селян, соответственно, 2,1%, 19,0%, 78,9%. С этим распределением коррелируют ответы на вопрос «Считаете ли вы, что у вас достаточно знаний о Великой Отечественной войне?» (таблица 4)

Таблица 4

Самооценка знаний о Великой Отечественной войне (%)

<i>Знаний о Великой Отечественной войне</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей</i>
достаточно	22,1	19,5
не совсем, надо бы больше, но...	41,0	52,0
не совсем, но мне хватает	29,5	20,1
нет	7,4	8,4
Итого	100,0	100,0

Селяне критичней оценивают свои знания и чаще выбирают ответ «не совсем, надо бы больше» - 52,0% и 41,0%, соответственно. 60,4% студентов из сельской местности выбрали позиции, которые дают основания предполагать, что, получив возможность узнать новую информацию, они ею воспользуются. Среди горожан таковых 48,4%.

В тоже время, горожане лучше осведомлены о полководцах и героях Великой войны (таблица 5). Нами выбраны имена тех, кто набрал более 3% голосов среди горожан.

26% студентов из общей выборки в 10 065 респондентов совсем не ответило на этот вопрос. На одного опрошенного горожанина дано 3,4 ответа, селянина – 3 ответа. Построчное сравнение показывает, что селяне хуже осведомлены даже о наиболее известных участниках военных действий.

Таблица 5

Наиболее известные студентам полководцы и герои войны (%)

<i>Полководцы и герои ВОВ</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей</i>
Жуков Георгий Константинович	82,3	77,9
Рокоссовский Константин Константинович	46,5	38,1
Конеv Иван Степанович	21,6	19,1
Матросов Александр Матвеевич	19,1	18,2
Василевский Александр Михайлович	12,3	11,3
Космодемьянская Зоя Анатольевна	9,4	9,5
Сталин Иосиф Виссарионович	8,7	7,3
Ворошилов Климент Ефремович	6,4	4,7
Ватутин Николай Федорович	7,0	3,8
Гастелло Николай Францевич	7,5	5,2
Маресьев Алексей Петрович	5,8	4,3
Чуйков Василий Иванович	7,3	4,6
Еременко Андрей Иванович	5,8	2,6
Зайцев Василий Григорьевич (снайпер)	5,6	2,2
Панфилов Иван Васильевич и панфиловцы	4,2	2,4

<i>Полководцы и герои ВОВ</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей</i>
Малиновский Родион Яковлевич	4,3	5,2
Будённый Семен Михайлович	4,0	2,2
Тимошенко Семён Константинович	3,8	3,7
Толбухин Федор Иванович	3,4	2,2
Кожедуб Иван Никитович	3,8	1,8
Павлов Яков Федотович (дом Павлова)	3,4	1,4
Шаймуратов Минигали Мингазович	3,2	4,6

Остались в памяти у немногих те, о ком знал каждый пионер СССР: Портнова Зина (2,0 – 3,1%), Голиков Леня (1,5 – 2,3%), Котик Валя (1,2 - 0,9%), Казей Марат (0,2 - 0,8%), Дубинин Володя (0,1 - 0,1%), Чайкина Лиза (0,1 – 0,0%). Краснодонцы известны еще меньше - Кошевой Олег (0,8 – 0,4%), Громова Ульяна (0 - 0,3%), Тюленин Сергей (0,2%), Шевцова Любовь (0,1 – 0%). Есть и исторические сбой – матрос Александр Кошкин, герой Севастопольской обороны 1854 - 1855 гг. стал участником Великой Отечественной (0,1 - 0,3%).

Школа, СМИ оказали влияние и на знание отдельных событий Великой Отечественной (таблица 6). На каждого опрошенного горожанина пришлось в среднем 3,3 ответа, на селянина – 3 ответа. Отметим попутно, что 22,3% студентов в общей выборке из 10 065 человек не ответили на этот вопрос.

**Информированность студентов о важнейших событиях, сражениях
Великой Отечественной войны (%)**

<i>Важнейшие события, сражения Великой Отечественной войны</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей</i>
Сталинградская битва, операции "Уран", "Сатурн", "Кольцо" и др.	67,9	56,7
Блокада Ленинграда, снятие блокады	56,2	57,4
Курская Дуга	55,8	53,4
Битва за Москву	40,5	36,7
Битва за Берлин	19,1	15,4
Оборона Севастополя	14,0	12,5
Оборона Брестской крепости	12,5	10,9
Смоленская операция ("Суворов")	6,2	7,0
Освобождение Белоруссии, операция "Багратион"	6,6	4,7
Танковое сражение под Прохоровкой	4,5	4,9
Ржевская битва, операция "Марс"	4,0	3,0
форсирование Днепра	4,2	3,2

В целом же иерархию имен и событий сформировали не только учебники, учителя, СМИ, но и художественные, документальные фильмы, которых в последнее время стало больше на экранах, события, связанные с возведением/сносом памятников в России и зарубежных странах. На вопрос о фильмах, книгах, рассказывающих о войне, не ответило 29% студентов. Трудно представить, чтобы почти треть никогда ничего не прочитала или не посмотрела о Великой войне. Только за последнее время перед опросом советские фильмы о войне посмотрело 79% селян и 71% горожан, современных, соответственно, 74% и 63%. Возможно, не запомнились названия фильмов, а некоторые поторопились заполнить

анкету, оставив пустыми строчки, в которые нужно было вписать названия. В среднем на каждого опрошенного студента приходится 2,9 ответов у горожан и 2,8 ответов на селян (таблица 7).

Студентам наиболее известны те фильмы, которые вышли на экраны в период их социализации. Вероятно, повторное обращение к этим фильмам тоже повлияло на распределение ответов о битвах и полководцах военных лет. Так, фильм «28 панфиловцев» смотрело более 6%, а панфиловцев как героев войны назвало около 4% горожан. И опять зафиксируем разницу в информационном поле поколения «отцов» и «детей». «Молодая гвардия», выпавшая из школьной программы, заменилась произведениями Солженицына и Пастернака, но в них молодежь не нашла ни героев, ни сражений.

Таблица 7

**Информированность студентов о художественных произведениях
о Великой Отечественной войне (%)**

<i>Художественные произведения о Великой Отечественной войне (проза, фильмы)</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей</i>
А зори здесь тихие (повесть, советский и современный фильм)	46,9	49,4
В бой идут одни старики, х/ф 1973	22,9	21,2
Судьба человека (М. Шолохов, проза и фильм)	19,4	21,9
Т-34, х/ф 2018	12,6	15,7
Сталинград, х/ф 2013	14,5	11,4
Битва за Севастополь, х/ф 2015	10,6	11,0
Они сражались за родину (М.Шолохов, фильм, книга)	11,9	11,6
Василий Теркин (А. Твардовский)	11,4	11,0
28 панфиловцев, х/ф 2016	6,5	8,9

<i>Художественные произведения о Великой Отечественной войне (проза, фильмы)</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей</i>
Брестская крепость, х/ф 2010	6,8	5,1
В списках не значился (Б.Васильев)	7,0	5,5
Офицеры, х/ф 1971	6,0	6,9
Повесть о настоящем человеке (Б. Полевой)	7,9	5,1
17 мгновений весны (телесериал)	6,4	3,1
Горячий снег (Ю.Бондарев фильм и проза)	5,4	4,4
Живи и помни (В.Распутин, фильм и повесть)	3,4	3,4
Живые и мертвые (К.Симонов)	3,6	4,4
Сотников (В.Быков)	3,6	2,0
Завтра была война (Б.Васильев, повесть и фильм)	3,5	2,5
Мы из будущего, х/ф 2008-10	3,1	2,7
Молодая гвардия (А.Фадеев, фильм и проза)	3,1	3,1

Наши респонденты, написав «А зори здесь тихие...», не поместили ни год создания фильма, ни режиссера, не дали указания, что читали повесть. Но символика у фильмов 1972 г. и 2015 г. разная, что четко отразилось в комментариях к последнему фильму. Из 114 рецензий на одном из сайтов положительных 67%. Среди критически оценивших фильм есть и молодые: «К 9 мая наше теле-и киноэкраны обязательно наполняют свежеделанные «шедевры» о Великой Отечественной Войне. Режиссеры пытаются показать какой-то новый взгляд, новую правду на события тех лет, даже если это и близко к правде отношения не имеет. Я вообще сомневаюсь, что нужно снимать что-то новое. Покажите лучше в кинотеатрах старые действительно проникновенные фильмы о войне. Но нет, мы получаем порцию новых киношек, с тем оправданием, что у молодежи другие потребности, к ним нужен другой подход, для них снимаем. Но, уважаемые, это глупость. Я тоже человек не такой старый,

родилась в 90-годы, но смотреть современные фильмы о войне лично мне крайне неприятно.

Первые впечатления о фильме были непонятные. Сразу после просмотра мне даже показалось, что оно и ничего. Пусть хоть такое посмотрят, чем ничего. Но пересмотрев старую версию, я мнение изменила. Новый фильм мертвый. Актерская работа меня сразу смутила. Смутило и то, что фильм просто копировал кино Ростоцкого, своего там было мало. Содрали сцены, добавили красок и голых женских тел побольше. А эмоции выключили. Вот вам и новые” Зори”» [Рецензии 2013]. Сравнивающих фильмы, поставленные свидетелями военных лет, с современными, естественно, меньшинство. То есть, у молодых часто формируется ложное представление о буднях и подвигах войны.

Причины, по которым молодежь выбирает тот или иной фильм, найдем в откликах на «Сталинград» Ф. Бондарчука. Вот один из них: «Фильм хороший. Мои друзья (учусь в колледже) после просмотра фильма стали читать в Интернете про войну. До этого их она просто не интересовала! Шли на 3D, это точно. В этом плюс спецэффектов - привлекли молодежь. Лично мне понравилось, что в фильме нет Безрукова, Боярской, Ходченковой, Козловского и т.п., от которых просто тошнит уже! Везде одинаковые! Козловский хорош, но его слишком много... А тут хорошие молодые ребята. Но вот Янина Студилина вообще не вписалась в фильм! Глянцевая девочка, у которой только личико и фигурка, а внутреннего нет. Не смогла она убедить меня своей игрой! Вообще странный персонаж, не подходящая актриса, слишком современный типаж [Анонимка 2013]. Критические оценки даны и зрителями старшего поколения. «В общем и целом» фильм не берет за душу, не трогает, не выжимает слезу. Эмоций, подобных тем, которые

испытываешь даже по пересмотру (в который уж раз) «Баллады о солдате» или «Альпийской баллады», «Летят журавли» или «А зори здесь тихие...», не говоря уж об «Ивановом детстве» или «В бой идут одни «старики»», бондарчуковский «Сталинград», увы, не вызывает» [Плугарев 2013].

Отношение к Дню Победы закладывается семьей и школой. Обратим внимание на значительные отличия формы проведения этого дня у студентов (таблица 8).

Таблица 8

Традиционная форма проведения 9 мая (%)

<i>Формы проведения 9 мая</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей</i>
смотрю парад по ТВ (на Красной площади, местный)	53,7	57,6
принимаю участие в шествии «Бессмертный полк»	30,1	50,2
участвую в праздничных мероприятиях	24,9	45,0
поздравляю ветеранов	21,6	29,7
возлагаю цветы к вечному огню, памятникам	17,8	34,5
за праздничным столом	13,8	14,0
сам или вместе с родными хожу на кладбище, где похоронены родные - участники войны	9,3	12,8
просто гуляю и отдыхаю	31,6	15,8
работаю	0,1	0,0
сизу дома	0,1	0,0
никак	0,3	0,0
ДРУГОЕ	3,0	1,8

Селяне больше задействованы в мероприятиях, посвященных Дню Победы: на каждого опрошенного, приходится по 1,7 «вовлеченных»

ответа у горожан и 2,4 ответа на селян. Они более отзывчивы на акцию «Бессмертный полк», праздничные мероприятия, возложение цветов к памятникам. Поскольку на праздники сельские студенты уезжают домой, можем предположить, что именно сельская школа, а не вуз, воспитала эти традиции. Навыки, заложенные во время первичной социализации, сохраняются и в студенческие годы. Смена обстановки, конечно, корректирует поведение студентов. Проявляется это и в формах проведения 9 мая: доля неопределившихся с планами в феврале 2020 г. составляла у селян 42,5%, горожан – 46,4%, а не планировавших какое-либо участие, соответственно, 8% и 20,2%. Среди определившихся студентов, чье детство прошло в сельской местности, планировали участие в акции «Бессмертный полк» (34,3% против 22,9% горожан), в демонстрации (25,2% против 10,9%), в подготовке праздника (14, 0% против 7,0%), встречах с ветеранами (11,8% и 9,5%), приведение в порядок памятников истории, могил, захоронений времен ВОВ в нашем городе / регионе (6,5% против 2,5%) и т.д.

Историческое сознание один из факторов, определяющих жизненную стратегию человека. Социализировавшиеся в селе, судя по распределению ответов в предыдущих вопросах, относятся к истории более бережно, но это не отменяет миграционных настроений (таблица 9). Повторим, историческая память лишь одна из скреп общества. Молодежь всегда ориентирована на будущее. Какой выбор предлагается ей в современной России?

**Эмиграционные настроения студентов после
получения образования (%)**

<i>После получения образования планируют жить и работать:</i>	<i>Город с населением 1 млн. жителей или более</i>	<i>Село, большая деревня, более 100 семей</i>
В России	37,2	50,8
Все зависит от того, где предложат хорошую работу	35,9	30,5
За рубежом	12,6	6,8
Затрудняюсь ответить	14,3	11,9

Подведем итоги. Невозможно «в процентах» определить степень влияния места социализации, школы на корректировку исторической памяти новых поколений в условиях единого информационного поля. Но отличия все же фиксируются: сельская молодежь включена в социальное пространство, для которого характерны большая консервативность, размеренность жизни, сохранение связей среди членов большой семьи и ее традиций, взаимозависимость соседских отношений.

Конечно, ни городская, ни сельская школы не могут противостоять объективным процессам угасания исторической памяти. Коммуникативная историческая память, внося свои коррективы, сохраняет личную причастность к событиям, их эмоциональное восприятие, живет 70 - 80 лет, пока не уйдет поколение участников событий. Затем формируется нужный властью имущим исторический миф, который определяет скрепы самоидентификации следующих поколений либо с прошлым, либо с настоящим, либо с будущим. Уход поколения участников ВОВ прервал важнейшую нить - живую память фронтовиков, нарушил семейную память поколений, расширил возможности вариативной оценки прошлого. Коммуникативная память заменяется

публичной памятью через школьные учебники, кинофильмы, СМИ, которым в принципе не присуща сакральность, в том числе и по отношению к Великой Отечественной войне. Все больше появляется тех, кто готов «похлопать ее участников по плечу», приравняв героев и фашистских преступников [Ищенко 2020]. Особенно быстро этот процесс идет в городах. Девяностые годы XX века доказали, как мгновенно по историческим меркам могут меняться приоритеты, акценты, оценки, как разрушение сакральных символов СССР привело к десакрализации Родины. Вариативность мнений в течение трех десятилетий, сохраняющаяся в СМИ, книгах, учебниках, фильмах не прошла бесследно [Широкалова 2015б]. Войны за историческую память были всегда, но никогда они не были столь массовыми и разрушительными.

В упоминавшихся выше Рекомендациях Общественной палаты Министерству просвещения Российской Федерации, Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральному агентству по делам молодежи и ФГБУ «Роспатриотцентр» предлагается рассмотреть возможность разработки специальных программ, направленных на повышение уровня исторической грамотности молодого поколения, пропаганды достоверного исторического знания и разъяснения недостоверности наиболее популярных мифов о Великой Отечественной войне и других знаковых исторических событий нашей страны. Среди таких программ - летние школьные исторические лагеря и школы для молодых историков, студентов гуманитарных образовательных организаций как из России, так и государств СНГ и иных иностранных государств, развитие культуры обращения с историческими материалами, в том числе с обсуждением кейсов по выявлению (распознаванию) фейков о Великой Отечественной войне, других знаковых исторических событиях

нашей страны, получению навыков работы с потоком новостей и иной информации, противодействие попыткам фальсификации исторических фактов, распространение информации среди молодого поколения с использованием социальных сетей и мессенджеров, в том числе с привлечением к указанной работе известных журналистов и блогеров.

Ясно, что все эти формы работы в большей степени доступны горожанам, чем сельским жителям в силу меньшей квалификации учителей, меньшего количества киберспециалистов, информационной базы. Но у селян есть другие преимущества – у них крепче межпоколенная память, благодаря большему консерватизму образа жизни.

ГЛАВА 7

Город в условиях пандемии

О.И. Димитричева, И.А. Савченко, О.И. Пикунов

Большие города – сложный, противоречивый и многоплановый феномен новейшего времени. Люди критикуют большие города, жалуются на слишком быстрый темп жизни и социальную разобщенность, свойственные городской жизни, но от этого процессы урбанизации не становятся менее интенсивными [Димитричева, Савченко, Пикунов 2020].

Шпенглеровский «каменный и окаменяющий» мировой город как символ и апогей цивилизации [Шпенглер:29] дает человеку большие возможности (которые, впрочем, могут иметь эфемерную природу), но при этом «давит» на человека, делает одиноким, незащищенным и неуверенным. Большой город – оплот префигуративной культуры [Мид:322-361], которая, с одной стороны, поощряет прогресс и карьерный рост, но, с другой, – продуцирует сомнения в завтрашнем дне, душевную нестабильность и личностную дисперсию, что обусловлено, конечно же, деградацией традиционных («отцовских») авторитетов и несформированностью каких-либо устойчивых авторитетов в принципе. Свойственная современным обществам аномия в большом городе ощущается особенно сильно и провоцирует стресс. «Стресс в большом городе» обусловлен многими факторами, но, прежде всего, такими антиномиями как перенаселенность и социальная изоляция [Мазда: 44].

Изолированность сотен тысяч людей друг от друга обостряется в кризисные периоды жизни города, например, в периоды массовых

эпидемий. Ответы на существенные вопросы люди ищут в медийных источниках: в зависимости от возраста – от телевидения до интернета и социальных сетей, но медиа не помогают людям преодолеть стресс, а, скорее, усугубляют его...

Итак, отражение текущей ситуации, связанной с распространением вируса COVID-19, стало повседневной задачей медиа-практики 2020 года. Новая пандемия – это огромное социально-культурное, экономическое, даже политическое событие практически для всех современных людей и стран». [Малькова: 206]. Наряду с официальной точкой зрения в массовом городском сообществе развивается и альтернативная позиция, ее представители обосновывают свое мнение, опираясь на критичное и/или ироничное восприятие обстоятельств. В больших городах эмоции варьируют от паники, ожидания конца света, исполнения антиутопий в реальности до анекдотов на тему COVID-19.

В чем причина такого неоднозначного толкования событий, связанных с пандемией? Здесь присутствуют два момента: с одной стороны – это информация или дезинформация в СМИ и с другой – устойчивость и неустойчивость к стрессу отдельных личностей.

COVID-19 или «коронавирус» был впервые зарегистрированный 31 декабря в г. Ухань в Китае, быстро распространился по миру. Большинство мировых информационных каналов в течение всего 2020 года сообщают о коронавирусе. Каким образом медиа транслируют сложившуюся ситуацию в массовое сознание? Мы используем классификацию эмоций, предложенную Д. Гоулманом [Гоулман 2009], который делил их на конструктивные и деструктивные, и выделяем дополнительную группу эмоций – альтернативные (в актуальной ситуации – сомнения в серьезности коронавирусной угрозы, ее высмеивание).

Как известно, заголовок публикации зачастую несет бóльшую эмоциональную нагрузку, нежели текст статьи. С целью уточнить, какие эмоции потенциально заложены в заголовках статей о COVID-19, авторами был проведен мониторинг СМИ. Изучены 100 представленных в интернете новостных периодических региональных выпусков федеральных изданий, содержащих информацию о COVID-19 и вышедших с 20 марта по 30 сентября 2020 года: «АиФ (Аргументы и факты) в Нижнем Новгороде», «АиФ в Челябинске», «АиФ в Перми» и т.п., «МК (Московский комсомолец) в Томске», «МК в Нижнем Новгороде» и т.п., «Комсомольская правда в Челябинске», «Комсомольская правда в Орле» и др. Было установлено, что 65% заголовков носят деструктивный эмоциональный заряд: провоцируют страх, панику, неуверенность и тревогу: «В Саратовской области от коронавируса скончались 93 человека» [В Саратовской области 2020], «За последние сутки в Ростовской области выявили 180 заболевших COVID-19» [Еще 180 человек.. 2020], «Еще 67 человек заразились коронавирусом в Удмуртии 17 сентября» [Еще 67 человек... 2020], «За минувшие сутки в Приморском крае зарегистрировано 75 новых случаев заражения коронавирусной инфекцией нового типа» [За минувшие сутки... 2020], «Число умерших от коронавируса в Башкирии увеличилось на два человека» [Число умерших ... 2020]. При этом 23% заголовков конструктивны, сообщают о лечении, вакцинации, волонтерстве, благотворительности; 12% заголовков представляют альтернативную информацию.

Заголовки, что очевидно, нацелены на привлечение внимания и нередко заставляют вздрагивать нервного читателя. Между тем, эмоциональный потенциал «кричащего» заголовка зачастую не совпадает с содержанием статьи, с ее смысловой нагрузкой. Так, в Саратовской

области скончались от коронавируса 93 человека с начала пандемии, а не за один день [В Саратовской области... 2020]. В Ростовской области 16054 дончан выздоровели [Еще 180 человек... 2020]. В Удмуртии 67 человек заболели, а 64 выздоровели [Еще 67 человек...2020]. В Приморском крае зарегистрировано 75 новых случаев заражения, но за эти же сутки выздоровели 73 человека, умерли 113 человек за весь период пандемии, начиная с марта 2020 года [Коронавирус... 2020]. Общее число летальных последствий коронавируса в Башкирии составило 33. За сутки выявлено 34 заболевших, а выздоровели за эти же сутки 83 человека [Еще два человека.. 2020]. Содержание статьи, в отличие от заголовка, во многих случаях несет гораздо более позитивный посыл. Но чтобы это знать, нужно прочесть статью до конца.

Жажда популярности побуждает искать «влекущие» названия своих публикаций, и самый легкий в данном случае путь – устрашающий заголовок. В массовом городском обществе человек остается один на один со своими страхами. В префигуративном мире даже близкие люди становятся равнодушными друг к другу и от этого – еще более беззащитными [Савченко 2016: 135].

С одной стороны, если сравнить цифры по заболевшим и умершим, изучить информацию о разработке вакцины и лекарств, ознакомиться со сведениями о цене лекарств, облегчающих течение коронавируса [Савченко 2016], то ситуация может выглядеть как достаточно стабильная. Но постоянное «просвещение» населения о необходимых мерах гигиены, ежедневное информирование о заразившихся и выздоровевших, публикация диаграмм, карт заражения для некоторых людей становятся факторами стресса.

Ответы на вопрос

«Какие эмоции вызывает у Вас слово “коронавирус”?»

<i>Группа эмоций</i>	<i>Ответы (%)</i>	<i>Эмоции</i>	<i>Ответы (%)</i>
Деструктивные	36	Страх	8
		Тревога	16
		Неуверенность	10
		Паника	2
Конструктивные	36	Лечение	6
		Вакцина	10
		Профилактика	4
		Любопытство	16
«Альтернативные»	28	«Манипуляция»	4
		«Вранье»	4
		Ирония	16
		Смех	4

Для понимания особенностей восприятия феномена коронавируса в массовом сознании, авторами статьи совместно с Приволжским филиалом ФСИЦ РАН был проведен опрос жителей Нижнего Новгорода. Исследование проводилось в сентябре – октябре 2020 года. Выборка ($n = 1126$) – квотная, пропорциональная основным социально-демографическим параметрам (кроме лиц моложе 18 лет). Возраст респондентов: 18 – 78 лет (16% – 18-25 лет, 19% – 26-35 лет, 19% – 36-45 лет, 21% – 46-60 лет, 25% – 61-78 лет). Все опрошенные – граждане Российской Федерации. Количество лиц мужского пола в выборке составило – 43%, женского – 57%. Респондентам задавался вопрос: «Какие эмоции вызывает у Вас слово “коронавирус”?» (таблица 1).

Как видно из таблицы, максимума достигают позиции страха, любопытства и иронии, которые относятся соответственно к группам деструктивных, конструктивных и альтернативных эмоций. В целом же группы деструктивных и конструктивных эмоций представлены в равной

степени – по 36%. Среди деструктивных составляющих лидируют тревога и неуверенность. Альтернативные варианты эмоциональной реакции характеризуются критично-насмешливым отношением к происходящим событиям, что подтверждается большим числом анекдотов на тему коронавируса.

Мы видим, что эмоциональный фон общественных настроений и медийных посланий, сконцентрированных в заголовках, хотя и имеет общие черты, далеко не одинаков. Сравним представленность трех групп эмоций в ответах нижегородцев и в заголовках СМИ (рисунок 1).

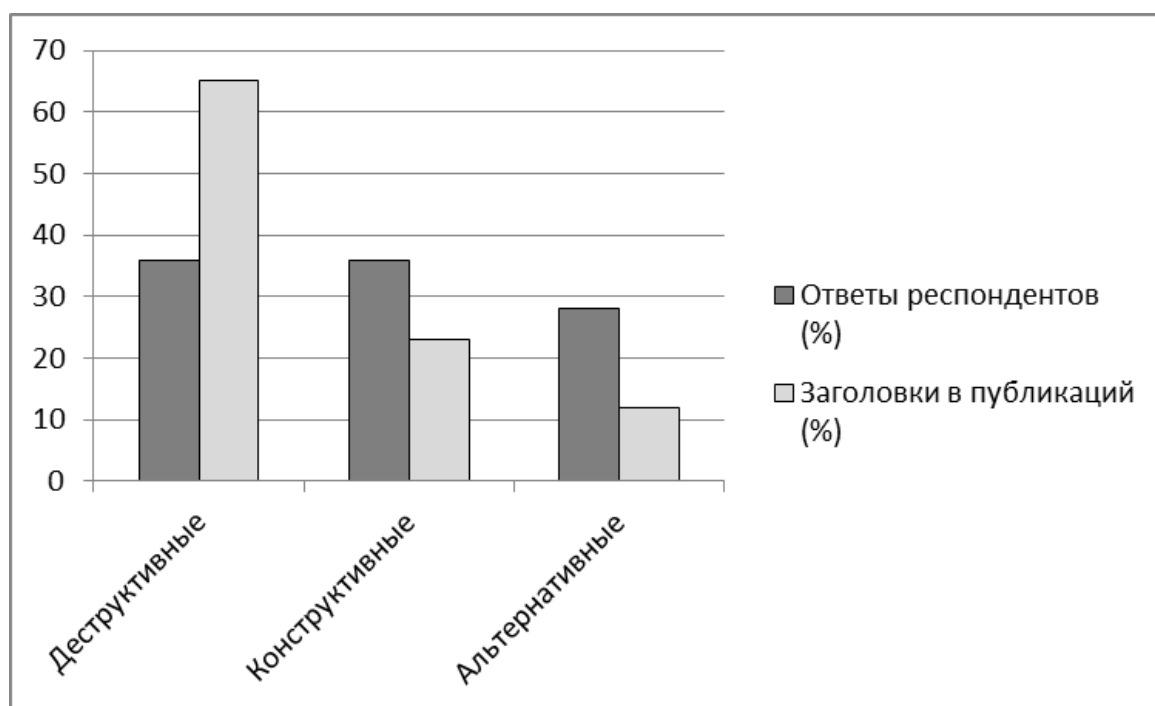


Рисунок 1. Представленность трех групп эмоций в ответах нижегородцев и в заголовках СМИ

Мы можем убедиться, что не всегда эмоция, заложенная в заголовке, вызывает ожидаемый ответ у читателя. Не каждый человек начинает паниковать при виде «страшного» заголовка. Достаточно большое

количество граждан оказались резистентными к негативно заряженным посланиям. Лишь 36% респондентов ужасаются при слове «коронавирус», в то время как потенциально 65% заголовков СМИ могли бы спровоцировать такую реакцию. В то же время 36% респондентов «конструктивно» реагируют на коронавирус, в то время как лишь 23% заголовков СМИ потенциально продуцируют конструктивную реакцию. Более того, 28% респондентов «альтернативно» реагируют на слово «коронавирус» – иронизируют, посмеиваются, «не верят» несмотря на то, что лишь 12% заголовков потенциально могли бы вызвать такую реакцию. Данную ситуацию можно объяснить, во-первых, тем, что «альтернативно» эмоционально заряженные заголовки в наибольшей степени представлены в блогах, а не в СМИ. Во-вторых, ирония, смех, сомнение в достоверности – адекватная защитная реакция личности на сложную социальную ситуацию.

И все же, в чем причина такого разброса мнений среди респондентов? Почему люди так неодинаково реагируют на медийное воздействие и, в целом, на стресс, продуцируемый ситуацией, связанной с пандемией коронавируса и, в особенности, с ее медийным сопровождением?

Разные типы личности по-разному реагируют на стрессовые ситуации. Одни унывают, другие мобилизуются для решения насущных задач. В определенных ситуациях «стрессоустойчивость, стойкость, реалистический подход и хорошо развитый механизм когнитивного оценивания позволяют человеку гибко выбирать разные стратегии в меняющихся обстоятельствах» [Анциферова: 15]. Речь идет о так называемом совладающем поведении, направленном на преодоление трудностей и стресса.

Основываясь на концепции локуса контроля Дж. Роттера, выделяются два противоположных личностных типа: экстернальный и интернальный [Rotter 1990]. Эти типы личности отличаются друг от друга мировоззрением, убеждениями, самооценкой, когнитивными стилями. Базовой характеристикой интернальной личности является положительная самооценка, ей свойственно реалистичное отношение к жизни, оптимизм, яркая мотивация достижений, уверенность в собственных силах и стремление самостоятельно преодолеть трудные жизненные ситуации. Представители другого типа, экстернального, воспринимают мир как источник неприятностей. Такие люди стремятся избегать трудных ситуаций или покорно их переносить. Для них характерна невысокая самооценка и пессимистическое мировоззрение. Этот тип личности склонен к уходу от реальной жизни в мир фантазий, контакты с новыми людьми воспринимают болезненно [Rotter: 20-22].

Когнитивная теория стресса Р. Лазаруса, в свою очередь, позволяет объяснить неодинаковое восприятие разными людьми одних и тех же событий. Стресс – естественная составляющая человеческой жизни, поскольку на каждое требование внешних обстоятельств организм реагирует особым напряжением, происходит адаптация к новым условиям среды. Концепция Р. Лазаруса позволяет понять, почему одинаковые внешние события для одних людей могут носить стрессовый характер, а для других нет. Очень многое зависит от личностного когнитивного отношения к явлениям внешней среды [Lasarus: 17-18].

Стресс обусловлен субъективными и объективными причинами. К субъективным причинам стресса можно отнести несоответствие ожидаемых и реальных событий, невозможность удовлетворения жизненно важных потребностей (от физиологических до

самоактуализационных) [Психология стресса...: 44]; сложности коммуникации, ее недостаточность или отсутствие. К объективным причинам стресса относятся политические и экономические факторы; экстремальные ситуации (природные и социальные); чрезвычайные обстоятельства (серьезные заболевания, криминал); сложные условия жизни и работы (домашние проблемы, изнуряющий труд); напряженные взаимоотношения с людьми, одиночество [Taylor, Agho, Stevens, Raphael 2008].

Интегрируя концепции Роттера и Лазаруса, можно с достаточной долей достоверности утверждать, что интернальные личности быстрее, нежели экстернальные, справятся с субъективными причинами пандемического стресса, используя их как стимул к дальнейшему личностному росту.

Большая часть этих объективных и субъективных причин стресса в 2020 году проявили себя в жизни людей во многих крупных городах мира. Стали реальностью кардинальное изменение образа жизни, связанное с введением режима изоляции на длительный срок; отсутствие привычной коммуникации: запрет собираться в группы, касаться друг друга. Во взаимоотношениях требуется соблюдение дистанции, ношение масок и перчаток с целью защиты себя и других людей. Таким образом, нарушается путь к удовлетворению потребности в принадлежности к какой-либо группе.

В 2020 году не все смогли работать удаленно, многие были вынуждены перейти на работу, требующую меньшей квалификации, или вовсе остались без работы. Экономические факторы стресса в современной ситуации, связанной с COVID-19, явились, наверное, самой трудноразрешимой проблемой во время и после карантина. И эти факторы

стали особенно заметны в крупных городах, где замедлилась торговля, и пострадало малое предпринимательство.

Подверглись стрессу и профессионалы – городские жители, которые значительно не потеряли в плане материального дохода, но были вынуждены срочно перестроить условия своего труда. Например, специалисты в области образования (преподаватели вузов, учителя школ) вынужденно перешли на дистанционное обучение. Это вызвало всплеск тревоги, недовольства, гнева как со стороны родителей обучающихся, самих обучающихся, так и со стороны преподавателей и учителей. Это явление также требует дальнейшего изучения.

Многие люди переживают из-за возможных потерь: болезней, смерти из-за новой волны коронавируса или потери работы. Но даже те горожане, кто не потерял в финансовом плане, у кого не пострадал никто из близких, все равно находятся в определенной степени беспокойства. Люди наблюдают за работой здравоохранения, образования, экономикой крупных городов и пребывают в состоянии тревоги. Медиа отражают и, увы, стимулируют это беспокойство.

Именно поэтому пандемия коронавируса является не только эпидемиологической проблемой, но и духовным испытанием для социальной жизни крупных городов. Поэтому в данной ситуации очень важно сосредоточиться на духовном здоровье личности. Тот факт, что средневековое миропонимание, увлеченность магией и суевериями все более овладевает внутренним миром жителей крупных городов [Савченко 2013], также должен насторожить психологов, социологов и педагогов.

Отдадим должное медиа: из некоторых СМИ мы узнаем, что в период коронавируса активизировалась волонтерская деятельность. Так, в Курске «зарегистрировано 256 добровольцев. Они помогают в доставке

предметов первой необходимости пожилым и маломобильным людям» [Волонтеры и меценаты 2020]. Некоторые предприниматели, которые раньше не занимались благотворительностью, в условиях пандемии стали меценатами: раздают бесплатно хлеб нуждающимся, покупают защитные комбинезоны, очки для врачей, помогают доставить необходимые лекарства и продукты питания [Проверка на человечность 2020], [Волонтеры из Иваново помогают пожилым людям 2020], [Благотворительность во время пандемии 2020] [Независимые от эпидемии: волонтеры на улицах Москвы 2020].

Итак, особенности жизни в большом городе, атомарность личности особенно ярко проявляется в период пандемии, когда количество неформальных личных контактов снижается, информацию люди получают, преимущественно, из СМИ, где для привлечения внимания читателей часто используются пугающие заголовки, и обсуждают ее, в свою очередь, в социальных сетях. Проведенные социологические исследования показывают, что 36% граждан реагируют на пандемическую ситуацию по экстернальному сценарию, в то время как 74% проявляют конструктивный или альтернативный настрой, демонстрируя интернальную поведенческую стратегию. Несмотря на ряд неблагоприятных факторов, характеризующих жизнь в большом городе, невзирая на агрессивность медиа, стремящихся повысить рейтинги любыми путями, массовое городское общество имеет потенциалы конструктивного развития и адекватного выхода из стрессовых ситуаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложно представить, что менее ста лет назад, в 1926 году в Советском Союзе городское население составляло лишь 18% населения страны. В современной России 75% людей живут в городах.

Если говорить о государствах постсоветского пространства, то там также более 60% жителей являются горожанами [В городских поселениях 2005]. Вместе с тем, соотношение городского и сельского населения в государствах бывшего СССР не одинакова. Например, на Украине и в Армении горожане составляют более 60%, а в Таджикистане – 26%.

Что касается динамики соотношения городского и сельского населения в мире, то в пятидесятых XX века на планете преобладали сельские жители (около 70%), а в 2018-м году уже в масштабах всей Земли стало больше горожан (55%). И хотя темпы прироста городского населения в мире постепенно снижаются, к 2030 году, как ожидается, в городах будут жить 60,4% населения планеты, а к 2050 году – 68,4% [Щербакова 2018].

Города являются центрами культурной жизни, экономики и промышленности. Города продолжают притягивать мигрантов и путешественников. Вполне закономерно, что уже примерно 100 лет город является объектом изучения социологов, лингвистов, психологов и философов.

В монографии была предпринята попытка осветить основные тренды развития городов и показать магистральные векторы современных городских исследований.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян М. В. Сельская община в Восточной Армении во второй половине XIX – начале XX века. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1988
2. Анонимка URL: 12/10/2013.<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/85309/forum/print/>.
3. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. Т. 15. № 1. 1994. С. 3–19.
4. Благотворительность во время пандемии // Проект корона ФОМ URL:<https://covid19.fom.ru/post/blagotvoritelnost-vo-vremya-pandemii> (Дата обращения 28.09.2020)
5. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007. - 288с.
6. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Ленанд. 2018. 304 с.
7. В городских поселениях проживает от 26% до 73% населения стран СНГ // Демоскоп Weekly. 2005, 4–17 апреля. № 197-198. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0197/barom01.php#:~:text=%D0%92>.
8. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2018. 252с.
9. Виноградская О.Я. Отчего горожане едут в деревню: феноменология и практика // Крестьяноведение. 2019. Т.4. №3. С. 140-155.
10. Вирт Л. Избранные работы по социологии: сб. пер.: [пер.с англ.]. М.: ИНИОН РАН, 2005. 243с.
11. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М.: Strelka press. 2016. 108 с.
12. Волонтеры из Иваново помогают пожилым людям старше 65 лет. // Аргументы и факты. Иваново. 29.03.2020

URL: https://ivanovo.aif.ru/health/volontery_iz_ivanovo_pomogayut_pozhilym_lyudyam_starshe_65_let

13. Волонтеры и меценаты. Как куряне объединились в борьбе с коронавирусом // Аргументы и факты. Черноземье. 16.04.2020 URL: https://chr.aif.ru/kursk/people/volontery_i_mecenaty_kak_kuryane_obedinilis_v_borbe_s_koronavirusom

14. В Саратовской области от коронавируса скончались еще 93 человека // Аргументы и факты. Саратов. 19.09.2020 // URL: https://saratov.aif.ru/incidents/v_saratovskoy_oblasti_ot_koronavirusa_skonchalis_93_cheloveka

15. Гоулман Д. Деструктивные эмоции. М.: Попурри, 2009. 576 с.

16. Джеймисон Ф. Социология: Энциклопедия. Мн.: Книжный Дом, 2003. 312 с.

17. Дмитричева О.И. Савченко И.А., Пикунов О.И. Город, медиа и пандемический стресс // Теория и практика общественного развития. 2020. № 11. С. 14-19.

18. Дмитричева О.И., Савченко И.А., Устинкин С.В., Пикунов О.И. Актуальность идей чикагской школы в фокусе процессов урбанизации и рурализации (в печати) // Власть. 2021. №1.

19. Дягилева Н.С. Журавлева Л.А. Городская идентичность: понятие, структура, основы формирования // Социология города. 2012. №1. С.46-61.

20. Еще два человека умерли от коронавируса в Башкирии // Аргументы и факты. Уфа. 19.09.2020 URL: https://ufa.aif.ru/health/med/kolichestvo_bolnyh_koronavirusom_snova_vyroslo_v_bashkirii

21. Еще 180 человек заболели коронавирусом в Ростовской области // Аргументы и факты. Ростов на Дону. 19.09.2020. //

URL: https://rostov.aif.ru/society/persona/eshchyo_180_chelovek_zaboleli_koronavirusom_v_rostovskoy_oblasti

22. Еще 67 человек заразились коронавирусом в Удмуртии 17 сентября // Аргументы и факты. Удмуртия. 17.09.2020

URL: https://udm.aif.ru/society/eshche_67_chelovek_zarazilis_koronavirusom_v_udmurtii_17_sentyabrya

23. Жигалев Б.А., Устинкин С.В. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития Российской Федерации // Власть. 2015. № 10. С. 32-41.

24. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып 2. М.: Институт Наследия, 2005. С.276-323.

25. Запесоцкий А.С. Трансформация культуры: производство смыслов и управление информационными потоками // Вопросы философии. 2011. №5. С. 166–171.

26. Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. 2015. № 1. С.101-135.

27. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 323 с.

28. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: 2002. № 3–4. С. 23–34.

29. Исследование Российского общества социологов исторической памяти студентов проводилось в 4 волны: 2005, 2010, 2015 и 2020 гг. Руководитель научного коллектива д.филос.н., проф. Ю.Р. Вишневецкий, состав коллектива - д. соц. н., проф. Н.В. Дулина, к. соц.н., доц.

Е.Н. Икингрин, ст.н.с. ФНИСЦ РАН Е.И. Пронина, д.соц.н., проф. Г.С. Широкалова, к. соц.н., доц. Д.В. Шкурин. Исследование проведено при организационной и методической поддержке президента РОС д.филос.н., проф. В.А. Мансурова. В 2020 г. опрошено 10 065 студентов российских вузов. 70% респондентов учатся на 1 - 2 курсах.

30. Ищенко С. Скандал ко Дню Победы: Дмитрий Киселев предложил ставить памятники поклоннику Гитлера. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <https://svpressa.ru/war21/article/263899/>

31. Козлова Ю.В., Савченко И.А., Пикунов О.И. Город как социально-коммуникативная конструкция // Вестник экономики, права и социологии. 2020, №4. С. 231-239.

32. Количество учителей в сельских школах достигает 470 тысяч. URL: <https://ros-obrazovanie.ru/news/kolichestvo-uchiteley-v-selskih-shkolah-dostigaet-470-tysyach.html>. 11 ноября 2019.

33. Колхас Р. Мусорное пространство. М.: Арт Гид, 2015. 84с.

34. Коронавирус унес жизнь еще одного приморца // Аргументы и факты. Владивосток. 19.09.2020
URL: https://vl.aif.ru/health/koronavirus_unes_zhizn_eshche_odnogo_primorca
Vl.aif.ru 19.09.2020

35. Крестьянские движения в Армении / сост. В. Ристуни. Ереван: Изд-воАН Арм. ССР, 1948. 411 с.

36. Кузнецова А.В., Петрулевич И.А. Городская ментальность в пространстве культуры: социо- и лингвокультурный аспекты // Вестник АГУ. 2019. Выпуск 4 (249). С. 181-188.

37. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328с.

38. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий / Пер. с нем. Д.В. Озирченко и А.Н. Малинкина. Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 16-35.

39. Мазда А. Стресс в большом городе. М.: Точка. 2019. 391 с.

40. Малькова В.К. Коронавирус в российском информационном пространстве // Вестник антропологии. 2020. № 2. С. 206-224.

41. Мид М. Культура и мир детства. М.: Директ-Медиа, 2007. 878 с.

42. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: риск личностного благополучия или зона повышенного риска. Спб.: Речь, 2011. -160с.

43. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 335 с.

44. Независимые от эпидемии: волонтеры на улицах Москвы. // Новости АСИ. 27.05.2020 URL: <https://www.asi.org.ru/article/2020/05/27/volontery-moskwa-koronavirus/>

45. Никита Михалков обвинил Билла Гейтса в намерении чипировать людей. // Московский комсомолец. 2.05. 2020 URL: <https://www.mk.ru/social/2020/05/02/nikita-mikhalkov-obvinil-billa-geytsa-v-namerenii-chipirovat-lyudey.html>

46. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>

47. Обоянцева О.В., Янко М.Н. Условия формирования кадрового ресурса нового типа как механизма комплексных структурных изменений малокомплектных школ Томской области // Вестник ТГПУ. 2009. Выпуск 12 (90). С. 55.

48. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Издательство «Весь мир». 1997. 704 с.

49. Официальный сайт Минстроя России, данные по проектам «Умный город». URL: <https://minstroyrf.gov.ru/search/?q=умный+город>.

50. Парк Р.Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Парк Р.Э. Избранные очерки: сборник переводов. М.: ИНИОН РАН; Центр социал. научн.-информационных исследований. 2011. С. 19–56.

51. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11–18.

52. Парк Р. Избранные очерки. М.: ИНИОН РАН, 2011. 322 с.

53. Парсон Т. Социальная система. М.: Академический проект, 2018. 530 с.

54. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. №6. С. 101-113.

55. Плугатарёв И. «Сталинград» без Сталинграда. В своем новом фильме Федор Бондарчук наступил на те же грабли, что и в «9 роте». URL: http://nvo.ng.ru/history/2013-10-11/14_stalingrad.html. 11.10.2013.

56. Пирогов С. В. Социология города. М.: Новый учебник, 2004. 208с.

57. Погосян А. О проблемах развития традиционной культуры и об улучшении демографической картины в областях Республики Армения // Национальная идея. 2011. № 9. С. 43-52.

58. Пожидаева М. А. Общественные ауспиции и авгурии как сакральные действия: сходства и различия // Общество. Власть. Политика: Проблемы современной истории. Сб. науч. тр. Ярославль, 2005. С.25–33.

59. Позднякова Е. Ю. Языковое пространство города: лингвокультурологическое описание // Сибирский филологический журнал. 2009. №2. С. 180-186.

60. Проблемам сельских малокомплектных школ посвящен целый номер Вестника ТГПУ. 2009. Вып. 12 (90). С. 41-48.

61. Проверка на человечность. Как волонтеры во время пандемии помогают пожилым? // Аргументы и факты. Красноярск. 13.04.2020
URL: https://krsk.aif.ru/society/proverka_na_chelovechnost_kak_volontyory_v_o_vremya_pandemii_pomogayut_pozhilym

62. Психология стресса и методы его профилактики / Г.Р. Шагивалеева, Г.К. Бисерова, В.Р. Бильданова. Елабуга: Изд-во Елабужского института К(П)ФУ, 2015. 142 с.

63. Рекомендации по вопросам сохранения исторической правды и противодействия распространению исторических фейков.
URL: <https://oprf.ru/ru/documents/497/2628/newsitem/55149?PHPSESSID=s29k112lv0qt1orp83487joh30>. 30.07.2020.

64. Рецензии /А зори здесь тихие... Клеора. Первое впечатление обманчиво. 4 мая 2017 URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/840754/reviews/>

65. Рубникович М. 2019 Жизнь в деревне становится все более привлекательной.
URL: <https://iz.ru/859610/mariia-rubnikovich/pouekhavshie-molodye-rossiiane-pokidaiut-megapolisu>

66. Саакян А.К. Социокультурный анализ влияния миграционных процессов на жизнь сельской общины // Социология и право. 2013. № 1 (18). С. 5-11.

67. Савченко И.А. Девиантная природа равнодушия в микро- и макроизмерениях. В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы IX Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Электронное издание. Ответственный за выпуск: А.А. Таганова, И.С. Нестеренко. 2016. С. 134-137.

68. Савченко И.А. Иностраный студент в России: условия и барьеры интеграции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010/ № 1. С. 25-31.

69. Савченко И.А. Интеграционный потенциал межкультурных коммуникаций: диагностика и экспериментальное стимулирование // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 1. С. 231–236.

70. Савченко И.А. Лингвоидентичность и социокультурные условия развития этнообщностей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 3. С. 281-297.

71. Савченко И.А. Средневековые постсовременности и глобальные трансформации // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 5. URL: <http://www.journals.org/index.php/sisp/article/view/5201310>

72. Савченко И.А., Никонова Ж.В. Лингвистическая идентичность и динамика национального самосознания // Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство образования, науки и молодежной политики Нижегородской области, Нижегородская митрополия Русской православной церкви, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. 2020. С. 78–79.

73. Савченко И.А. Язык в контексте процессов социокультурной интеграции и дезинтеграции // Языковая политика и лингвистическая безопасность. Материалы второго международного научно-образовательного форума. 2018. С. 207-210.

74. Савченко И.А., Пикунов О.И., Саакян А.К.. Городские языковые пространства в фокусе лингвистической безопасности // Языковая политика и лингвистическая безопасность. Международный научно-образовательный форум. 1 – 2 октября 2020 г. Н.Новгород: НГЛУ, 2020.

75. Савченко И.А., Устинкин С.В., Наумов С.И. Концепт «помощи» в контексте лингвокультурной адаптации трудового мигранта в российском регионе // Власть. 2017. № 11. С. 45-49.

76. Сельские общины в Армении имеют огромный неиспользованный потенциал: новости от 10.07.2008 г. // ИАЦ Analitika URL: <http://analitika.at.ua/news/2008-07-10-1195>

77. Сенченко Н.А. Социально-педагогическая помощь старшеклассникам-представителям юношеских субкультуртема. Дисс... канд. пед. наук. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2005. 214 с.

78. Сойя Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6(40). С.133–150.

79. Солнцев Н.Ф. Формирование сакральной символики русского средневекового города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С.180–187.

80. Стратегия национальной безопасности Республики Армения (одобрена Советом национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26.01.2007).

81. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://base.garant.ru/71296054/>.

82. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М.: Владимир Даль, 2002. 467 с.

83. Треушников И.А. Приоритеты духовного развития российского общества // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 4 (10). С. 136-141.

84. Устинкин С.В., Савруцкая Е.П., Морозова Н.М. Влияние глобальных миграционных // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сборник статей. М.: РУСАЙНС. 2016. С. 155-173.

85. Фармакологи объяснили стоимость российского препарата от коронавируса // РИА Новости. 19.09.2020
URL: <https://ria.ru/20200919/tsena-1577473789.html>

86. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2011. 419с.

87. Шабаев Ю.П., Садохин А.П., Лабунова О.В., Сазонова Н.Н. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. №3. С. 248–267.

88. Широкалова Г.С. Великая Отечественная война. Актуальна ли память? // SOCIO TIME / Социальное время. 2015. № 3. С. 43-50.

89. Широкалова Г.С. Историческая память о великой отечественной войне: факторы формирования // Преподавание истории в школе. 2020. № 7. С. 49-57.

90. Широкалова Г.С. Нижегородское село в координатах 4D // Русское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории. Материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Российское общество исследователей экономической истории, Марийское региональное

99. Luhmann N. The Autopoiesis of social systems. // Luhmann N. Essays on self-reference. NY: Columbia University Press 1990. P. 1–20.

100. Rotter J.B. Internal versus external control of reinforcement: A case history of a variable. *American Psychologist*. 1990. 45 (4): 489–493.

101. Taylor M.R., Agho K.E., Stevens G.J., Raphael B. Factors influencing psychological distress during a disease epidemic: data from Australia's first outbreak of equine influenza. *BMC Public Health*. 2008. // URL: <https://bmcpublikealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2458-8-347>